

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

1000 одна жизнь

Ульяна Соболева

Ульяна Соболева

**1000 не одна ложь.
Заключительная часть**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Соболева У. П.

1000 не одна ложь. Заключительная часть / У. П. Соболева —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

Я думала, что ужасы в чужой стране остались позади, а зияющая дыра в сердце будет кровоточить вечно воспоминаниями о недолгом счастье, пока я пытаюсь жить дальше ради своего ребенка... Заключительная часть. (СЛР версия Аш. Пепел ада) Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Внимание! Все события, персонажи и обычаи выдуманы и приукрашены автором. По другим вопросам прим. автора в конце.

Глава 1

Я смотрела в иллюминатор самолета и не верила, что это происходит на самом деле. Что я возвращаюсь к себе на родину. Что сейчас взрвет мотор и огромная железная птица оторвется от земли и взмоет ввысь, чтобы увезти меня далеко от кошмаров и боли... Только вряд ли я смогу оставить ее здесь, она теперь живет внутри меня и обгладывает мне кости ежедневно, как голодная, обезумевшая тварь, у которой нет чувства жалости.

Когда-то это была самая заветная мечта для меня, самая невыносимо прекрасная – вернуться домой... но жизнь настолько меняет людей, настолько выворачивает их ценности и представления о счастье, что лишь за несколько месяцев можно стать совершенно другим человеком... И я уже больше не маленькая Настя, которую выкрали из родного дома, которая верила в справедливость, искала доброе в людях и умела прощать себя и других.

Ее не стало. Она умерла где-то в песках Долины смерти. И я точно знала, в какой день и час ее сердце перестало биться. Разве она могла себе представить, что ее пытка лишь началась и не будет ей ни края, ни конца.

Дышать она перестала, когда отдала тело Аднана его родне, когда выпустила из скрюченных пальцев деревянный ящик, ломая ногти и загоняя под них занозы. Уже тогда она умирала... держали от последней точки невозврата только слова ведьмы о ребенке. Не давали сойти с ума окончательно и потерять человеческий облик. Хотя назвать меня человеком в те дни было невозможно. Я, скорее, походила на какую-то тень. Она передвигалась, что-то ела, потому что старуха заставляла и ходила по пятам с тарелкой и ложкой. Несколько месяцев непрерывающейся агонии и боли, несколько месяцев жажды встречи со смертью под неусыпным контролем Джабиры, которая не собиралась ей меня отдавать.

– Он бы не позволил тебе умереть. Не затем вытягивал тебя с того света, чтоб ты дитя его загубила. Скоро первые толчки почувствуешь. Душу его и сердце внутри себя. Чудо в тебе живет самое необыкновенное из происходящего на земле... Старая Джабира многое бы отдала, чтобы хоть раз узнать самой, что такое быть матерью. Но Аллах наказал ее и не дал детей. Слишком много плохого сделала старая ведьма.

Только это и спасало. Мысли о малыше у меня под сердцем. Руки к животу приложу, глаза закрою и думаю о том, как он на Аднана похож будет, о том, что его отец гордился бы его рождением... А потом вспоминала, что теперь никому не нужен этот ребенок и я... Но как же все-таки я ошибалась. Наивная, совсем забыла, с кем имею дело и что такое семья ибн Кадиров.

Они приехали поздно вечером. Его братья. Ворвались в лагерь, разбитый Рифатом и его людьми, как к себе домой. Как будто теперь им было позволено все. Джабира тут же затолкала меня в пещеру и спрятала за сундуком, задержав своеобразную шторку.

– Не высывайся. Эти шакалы не просто так сюда приехали. Чую – беду принесли.

Она никогда не ошибалась. Я ей верила и сама знала, кто такие братья Аднана. С одним из них мне уже пришлось столкнуться.

– Мы приехали забрать то, что нам причитается после смерти нашего брата.

– Забирайте все, что посчитаете нужным. Только здесь ничего нет. Все было в деревне и в Каире. – послышался голос Рифата.

– Не лги нам. Здесь его снаряжение и оружие.

– И скаун, который стоил целое состояние.

– Коня Аднана уже забрал себе господин Селим.

– Разве? Здесь есть еще один конь, и он породистей и лучше того коня. Где ты его прячешь, Рифат?

– Здесь больше нет ничего, что принадлежало бы Аднану.

– А белая лошадь?

– Белую лошадь подарили.

Раздался хохот, от которого у меня по телу поползли мурашки.

– Кому подарили? Шармуте? Русской сучке, которую мой брат нагло притащил в дом отца? Кстати, где она? Ее я тоже заберу. Разве она не вещь моего брата?

– Альшита была его невестой.

– Пыф, невестой. Не было даже обряда обручения, и она все еще не приняла ислам, а значит, она вещь, принадлежащая ибн Кадирам. Давай, выводи к нам девку.

– Эй, Раис, а не жирно ли тебе и шлюху белокрысую, и лошадь?

– А что такое?

– Выбирай или то, или другое.

От ужаса у меня все внутри похолодело, и я закрыла рот обеими руками, чтобы не застонать.

– Чего это я должен выбирать? Ты себе золото взял. Эй, Рифат, где девка? Давай, тащи ее сюда, посмотрим на игрушку нашего братца, пощупаем, понюхаем, что особенного было в этой сучке.

Сердце бешено колотилось и казалось разорвет мне горло. И бежать некуда. Из пещеры только один выход. Да если и сбегу – в пустыне в сезон бурь не выживу. Тяжело дыша, прижала руку к уже слегка набухшему животу, стараясь хоть немного успокоиться. Неужели Рифат отдаст? Неужели...

– Забирай коня и уезжай, Раис, и ты, Селим. Мне больше нечего вам отдать!

– Девку vedi! Хватит шутить, Рифат. Мы сюда не просто так ехали. Или хочешь неприятностей? Защиты у тебя больше нет, и армия твоя оскудела. Может, и ты ради шлюхи русской своих людей в песок уложишь? Как наш братец?

– Нет здесь никакой русской шлюхи. Есть моя невеста, ислам она уже приняла и завтра женой мне станет. Икрам подтвердит.

– Что за... – усмехнулся, – ты шутишь, Рифат? Или что это за бред ты несешь?

– Не шучу. Я собрался жениться на этой женщине, и свадьба состоится завтра. Вы можете на ней присутствовать. Простите, пригласить не успел.

– Издеваешься над нами? Слышишь, Селим, жениться он на русской надумал. А мы, Рифат, сейчас ее с собой увезем. Ведь пока не жена она тебе, так что все по-честному. А ты на другой женись, или девок Аднана не осталось больше, чтоб объедки подобрать?

Я увидела, как Джабира напряглась, и поняла почему – провоцируют братья Рифата, сейчас, и правда, может драка начаться.

– Я бы, может, и отдал, только не могу. Ребенка моего носит под сердцем. Зачем вам брюхатая? Да и не по совести это – у собрата женщину уводить, своей же веры и ему принадлежащую.

– Ишь... когда только успел. Тело брата еще не остыло, а она ноги раздвинула?

– Понимаю горечь вашей утраты... но попросил бы уважения к своей женщине. Рано или поздно вам понадобятся люди, а у меня они есть в моей деревне. Зачем дружбу портить, Раис?

Воцарилась тишина на какое-то время, а я ощутила, как на глаза навернулись слезы. То ли от страха, то ли от облегчения... Но расслабляться еще рано, пока эти твари здесь.

– Коня можете взять. Моей жене не нужны подарки от других мужчин. Я сам в состоянии купить ей другого скакуна. Шамаль, выведи к ним Снега.

Я сильно зажмурилась... отдавать коня не хотелось до боли в груди. Я любила его, я привязалась к нему, и это был подарок от Аднана.

– Молчи! – скомандовала Джабира. – Пусть забирают, что хотят, и уходят. Только бы бойню не развязали. Не выстоит Рифат. Людей мало у него.

Они ускакали через несколько часов, после того, как поужинали с Рифатом и забрали все, что принадлежало Аднану, с собой. Унесли даже его перевязь и нож, лежащие в пещере. Я смотрела на Джабиру, а она на меня, а потом помогла мне подняться с пола и вывела наружу, чтобы воздуха глотнула свежего, чтобы слезы ветер высушил.

А потом Джабира нас оставила с ним наедине.

Мы редко говорили раньше. Только те пару раз, когда были вынуждены, и все. И сейчас я не знала, что именно сказать... только тихо прошептала:

– Спасибо.

– Тут одним спасибо не отделаешься. Они завтра кого-то из своих сюда пришлют или сами приедут.

Повернулся ко мне, открывая лицо и сверкая черными глазами.

– И... и что делать? – я руки сильно сжала до боли в ладонях и пальцах.

– Свадьбу играть.

Угрюмо сказал он.

– Или бежать... но если поймут, что солгал, догонят и себе заберут. Что ждет тогда тебя, сказать не могу... но, скорее всего, позор и потеря младенца. Насильничать они вместе любят.

Отвернулся к костру и протянул к языкам пламени смуглые руки.

– Веру менять не заставлю и ни к чему принуждать не стану. Клятву я дал Аднану, что защищу тебя даже ценой своей жизни. Настал момент выполнять ее. Иначе мне никак тебя не спасти. Жизни тебе не дадут ни они, ни вся семья Аднана. Их матери со свету тебя сжить еще тогда были готовы. Неизвестно, кто яд подсыпал.

Я не знала, что ответить... во мне еще жило то самое равнодушие к собственной судьбе, к собственной жизни. Я не цеплялась за нее изо всех сил и иногда все так же до дикости желала уйти вслед за Аднаном к тем самым миражам. Только Джабира и встряхивала. Только она и держала меня на поверхности, не давая утонуть в черноте, которая заволокла все мои мысли после гибели Аднана.

– Я не настаиваю. Подумай. Время до утра у тебя есть... если не решишься, буду решать, где тебя прятать.

Он ушел к своим воинам под навесы, а я перевела взгляд на огонь, глядя, как он пожирает ветки, как беснуются ярко-оранжевые языки, сплетаясь друг с другом, и превращают в пепел дрова. Вот так и у меня внутри один лишь пепел остался. Хочется развеяться по воздуху и исчезнуть.

– Соглашайся, Альшита. Нет у тебя иного пути ребенка спасти и самой выжить. Растерзают тебя братья. Насиловать по очереди будут, пока ребёнка не выкинешь, а потом отправят в одну из своих деревень на потеху своим людям.

Старая ведьма подошла к костру и воткнула рядом с ним палки с разветвленными концами.

– Не знаю, на что решаться... не знаю, Джабира. Не хочу ничего. Только уснуть. Чтоб ненадолго не болело.

– Очнись! Жизнь продолжается. В тебе и вокруг тебя!

– Нет больше жизни. Есть выживание и эфемерное чувство долга, которое ты пытаешься во мне разбудить... а его нет! Понимаешь? Ничего вокруг нет. Пусто вокруг меня и вот здесь, – ладонь к груди прижала, – пусто и бессмысленно.

Я не хотела соглашаться, не хотела предавать Аднана этим согласием. Пусть спрячут меня где-то, а не смогут, значит такова судьба моя и я сама себе перережу горло. Я смогу.

«– Отвезу тебя в Каир, а потом вернусь – отрежу ублюдку яйца, чтоб не смел зариться на то, что принадлежит мне.

– А если он тебя убьет?

Спросила неожиданно, скорее, подумала вслух, и Аднан вдруг оторвал меня от своей груди, внимательно всматриваясь в мои глаза.

– И что? Разве не этого ты хочешь? Или боишься, что, когда меня не станет, твоя участь окажется еще более незавидной, чем со мной?

Несмотря на слова, которые он говорил, его пальцы продолжали перебирать мои волосы, словно жили отдельной жизнью от этих пронзительно ярких глаз, выражения которых я начала бояться.

– А может быть еще хуже?

Теперь взгляд стал невыносимо острым, словно резал меня на куски.

– Может... Как здесь рядом со мной, так и не здесь. Но я бы не хотел, чтоб ты об этом узнала, Альишта.

– Почему? Разве тебе не все равно, как умрет грязная, русская шармута?

Он прищурился и склонил голову к плечу, всматриваясь в мое лицо, словно считывая с него нечто неподвластное мне самой.

– Не все равно..., – костяшки пальцев проишли по моей щеке очень мягко, – ты не умрешь, пока я не позволю тебе умереть. И ты... ты не шармута.

Убрал прядь волос с моего лица назад, приглаживая волосы большой, широкой ладонью, на запястье звякнули металлические символы, которые наверняка что-то означали.

– А кто я?

– Моя женщина...»

Ничья я теперь... никому не принадлежу, и в эту секунду почувствовала, как в живот изнутри что-то толкнулось, нежно перекатываясь и щекоча, как крылышками маленькой птички. Я невольно прижала туда руку и ощутила, как ребенок толкнулся еще раз.

«– Я никогда не лгу, Альишта. У меня достаточно власти в руках, чтобы позволить себе всегда говорить правду.

Я приподнялась на локте и слегка покраснела, когда его взгляд вспыхнул, опустившись к моей груди.

– Я стану твоей женщиной по-настоящему.

И он опрокинул меня навзничь на шкуры, глядя мне в глаза своими безумно красивыми зелеными омутами.

– Я клянусь, что ты никогда об этом не пожалеешь... Поженимся и поедem в Россию, Настя. Знакомиться с твоими родителями...

Я вскинула руки и рывком прижалась к его груди. Неожиданно для себя расплакалась, а он засмеялся.

– Я счастлив, ледяная девочка. О, Аллах свидетель – еще никогда в жизни я не был так счастлив.

А утром он одевался на эту самую вылазку, и я снова ощутила прилив дикого ужаса от предстоящего расставания. Поправляла джалабею у него на груди, проводя пальцами по вышивке на вороте и нарочно оттягивая расставание.

– Я хочу родить от тебя ребенка...

И опустила взгляд вниз. Чувствуя, как кровь приливает к щекам, а он заставил посмотреть себе в глаза и усмехнулся. В глазах заблестели миллионы чертей.

– Если хочешь, значит родишь. Когда вернусь, мы будем очень много стараться над его исполнением».

Утром я согласилась выйти замуж за Рифата. Я рожу ребенка Аднана, как он хотел... как я хотела.

Глава 2

Эта свадьба напоминала мне похороны. Словно я, во всем белом, хоронила саму себя и ту самую Настю, которая никогда не согласилась бы на ложь, на вот такой брак. Мне было жаль ее, по-настоящему жаль. Я понимала, что вместе с ней то самое светлое и искреннее умирает и во мне... И было больно втрое от того, что раньше представляла свою свадьбу с Аднаном. Представляла веселье здесь в пустыне, свои разрисованные хной руки, белое платье, горящий взгляд моего мужчины. Все это так и осталось иллюзиями и мечтами. И так кощунственно сейчас произносить клятвы, слушать песнопения и завывания приглашенных гостей, выкрики мужчин, осознавая, что все это должно было быть настоящим и совсем не с этим мужчиной.

Рифат весь вечер не обращался ко мне, и я была благодарна ему за это молчание, за то, что не вынуждал меня играть на публику и веселить толпу. Я бы не выдержала фарса, я была неспособна сейчас что-то изображать, мое горе было слишком свежим и слишком сильным. Оно не отпускало меня ни на секунду, и даже шевеления ребенка не давали ощущение счастья. А вызывали лишь слезы. Как бы я хотела рассказать об этом Аднану. О том, как шевелится наш малыш и какое непередаваемое это чувство – знать, что часть него живет во мне. Как мало нам было отмеряно счастья, как всего было мало... И часть этого времени была истрачена на ненависть и непонимание.

Особенно раздражали лица братьев Аднана и их пошлые шутки, которые доносились до моих ушей и заставляли пальцы Рифата сжиматься до хруста. Но он молчал и терпел. Я знаю, что не из-за трусости. Рифата можно было назвать кем угодно, но только не трусом. Он молчал, чтобы не развязать сейчас бойню с Кадирами. Молчал из-за меня и из-за своих людей. Как же я ненавидела этих трех гиен, которые пришли пожить тем, что осталось после их брата, и заодно проверить – женится ли Рифат на мне. Я видела, как Раис сверкает глазами и гладит себя по длинным усам. И понимала, насколько был прав Рифат, когда говорил, что со мной сделают эти три ублюдка, если доберутся.

После праздника нас оставили одних с Рифатом, и остальные воины еще долго пели песни и смеялись у костров и раскинутых на подстилках яств и угощений, привезенных Рифатом и его людьми, а также приготовленных Джабирой и несколькими женщинами из деревни.

Когда мы остались наедине, я все же напряглась. Одно дело – обещания, а совсем другое – это когда мужчина получил на тебя все законные права. Я забила в угол, закрываясь одеялом и глядя расширенными глазами на Рифата. Но он даже не посмотрел на меня, лег на шкуры в углу пещеры, отвернулся к стене и уже через несколько минут уснул. Я поняла это по его дыханию и тоже выдохнула, легла на матрас и закрыла глаза, прижимая ладони к животу и прикрывая веки.

А что теперь? Я не знала. И завтрашний день представлялся мне серым и отвратительным без единого смысла или целей. На утро Рифат вместе со своими людьми покинул лагерь, и мне стало намного спокойнее.

Теперь я каждый день старалась загрузить себя работой и, хотя Джабира ругала меня и запрещала перетруждаться, мне нужно было уставать, чтобы ночью закрывать глаза и погружаться в глубокий сон. А перед сном молить своего Бога и Аллаха послать мне сновидения об Аднане. Увидеть его лицо, почувствовать запах, услышать голос. Но он мне не снился. Ни единого сновидения. Я вставала утром и мчалась к Джабире учиться у нее собирать корни растений и трав, варить из них зелья по ее рецептам и переливать в глиняные посуды. Она также научила меня лепить из глины разные фигурки и сосуды, и теперь это стало моим любимым развлечением. Единственным моим лучиком света стала Амина. Рифат привез ее ко мне из Каира во вторую свою поездку. И я была безмерно ему за это благодарна. Малышка была настолько жизнерадостной и ласковой, что я отвлекалась на нее и проводила с ней очень много

времени. Джабира научила меня шить, чинить одежду, и я постоянно что-то переделывала для Амины, лепила ей бусы из глины, и мы вместе раскрашивали их, а потом развешивали сохнуть на камнях. Она скрасила мое тоскливое одиночество и последние месяцы беременности.

Время то ли ползло, то ли пролетало, я потеряла ему счет, и только Джабира, ощупывая мой живот, записывала что-то карандашом в свой блокнот. А однажды вдруг заставила меня улечься на матрас и долго прощупывала меня, слушала через трубку... в ее лице читалось какое-то недоумение и беспокойство. Но на мои вопросы она не отвечала. И мне становилось страшно, когда она шевелила губами, бежала за своими старыми потрепанными книгами, замеряла мне живот и опять трогала со всех сторон, и когда я уже окончательно чуть не сошла с ума от беспокойства, вдруг спросила:

– Как давно ты чувствуешь их?

– Толчки? Давно... Еще со дня свадьбы. А что такое?

– Чувствуешь только в одном месте или в нескольких одновременно?

– Не знаю... а что такое, Джабира? Что-то не так с ребенком?

– Да нет... кажется, с ним все в порядке, просто большой он у тебя, прям даже очень. – пробубнила она, а я резко встала на матрасе, – боюсь, не разродишься мне со своим узким тазом и худобой.

– Я буду стараться... это ведь хорошо, что он не маленький, правда?

– Хорошо и плохо... Боюсь за тебя. И как он лежит, мне не нравится. Но может, к родам еще повернется.

– Ты ведь нам с ним поможешь, Джабира... я не хочу потерять еще и ребёнка Аднана.

Я все же почувствовала, как слезы потекли у меня по щекам, и Джабира обняла меня, прижимая к себе.

– Все будет хорошо. Родишь малыша. Обязательно здоровенького родишь. Джабира и не такие роды проводила. А Рифат перевезет тебя отсюда в Каир. Он уже ищет для тебя дом.

Упоминание о Рифате заставило тут же отшатнуться в сторону. Меня сжирало какое-то необъяснимое чувство вины за то, что он взял на себя такие обязательства и женился на мне... после того, как я была с его другом. Ведь все об этом знали. Пусть и молчали, но точно судачили о нас с ним.

– Что такое?

– Я хочу расторгнуть этот брак. Не должно так быть. Неправильно это.

– Надо время. Пусть родится ребенок, и все страсти улягутся. Рифат знает, что делает. Он очень мужественный и благородный человек. И он дал клятву Аднану – заботиться о тебе. Пока угрожает опасность, лучше быть его женой. Вряд ли кто-то посмеет нарушить священные узы брака и тронуть чужую женщину. Сейчас за тобой наблюдают, и поверь мне, что о любом вашем поступке тут же донесут Кадирам... А там кодло змей, которые еще не простили тебе вторжение в их мир. Особенно Зарема, которую отец Аднана вернул домой.

И я знала, что она права, что на самом деле Рифат, и правда, старается для меня, но его вечное молчание и этот взгляд темный исподлобья вызывал у меня необъяснимое чувство вины. Словно это я вынудила его жениться на мне.

Когда кто-то приезжал в лагерь, Джабира прятала меня.

– Иди в пещеру, Альшита. Твой живот явно не соответствует срокам. Ты вот-вот разродишься. Никто не должен узнать, что это ребенок Аднана. Пусть считают его ребенком Рифата. Но для этого нужно прятаться, и чтоб ни одна душа не знала о дате рождения.

Когда она так говорила, одна часть меня понимала, что старая ведьма права, а вторая сходила с ума от этой страшной несправедливости.

– Мой малыш никогда не сможет в открытую сказать, кто его отец. Разве это справедливо?

– Твой малыш останется в живых, и это справедливо, Альшита. Это более чем справедливо. Если сейчас хоть кто-то узнает о том, что он от Аднана, ему может угрожать опасность. Нужно быть очень осторожной.

Если бы я тогда хотя бы на десятую долю представляла себе, насколько она права... то, может быть, со мной бы не произошло всех тех ужасов, которые произошли потом. Может быть, я не рассыпалась бы на осколки боли и не познала бы больших потерь. Но тогда во мне еще было много от Насти, а она не верила, что люди способны на дичайшие подлости. А еще больше я хотела не зависеть от Рифата и стать все же свободной, и едва он вернулся из очередного похода, я набралась смелости, чтобы с ним поговорить. Он чистил оружие, разложив его на подстилке неподалёку от костра, и когда я подошла, едва заметно вздрогнул, но голову так и не поднял.

– Я хотела поговорить с... тобой.

– Говори.

Продолжая чистить одну из деталей и рассматривая ее на свету.

– Так не может ведь продолжаться вечно. Рано или поздно с этим нужно покончить.

– С чем?

– С этим спектаклем. Мы ведь не можем продолжать его и дальше. Джабира рассказала мне о доме... и я не хочу ехать в какой-то дом. Для меня нет другого мужа и нет другого дома. Есть только Аднан, и я никогда не стану тебе настоящей женой.

Рифат вскинул голову и посмотрел на меня все так же хмуро, как и всегда.

– И что ты предлагаешь?

– Отправь меня в Россию. Расторгни со мной брак и дай мне уехать домой.

В эту минуту послышался топот копыт, и кто-то крикнул.

– У нас гости! Эй, Рифат, встречай брата. Рамиль пожаловал.

Спрятаться я не успела. Потому что гость уже спешился и спешил к нам навстречу, раскрыв объятия брату. Я одернула джалабею... но это было лишним – мой огромный живот уже было не скрыть. Когда мы гуляли на нашей свадьбе, он еще был незаметен постороннему глазу, но сейчас... сейчас уже не спрятать ни его размеров, ни сроков. Рамиль вначале обнялся с Рифатом, а потом пристально посмотрел на меня и так же красноречиво на мой живот, вздернув одну бровь и похлопав Рифата по плечу, он увлек его подальше от костра, а я бросилась в пещеру, обхватывая пылающее лицо ладонями. Мне было стыдно, так стыдно, что казалось я провалюсь сквозь землю. Какой же тварью я выгляжу в их глазах, какой последней дрянью.

* * *

Роды начались внезапно. Точнее, я прозевала тот момент, о котором мне столько рассказывала Джабира, не обратила внимание на сильное напряжение в животе и боль, натаскалась песка, расчищая после бури вход в пещеру вместе с Аминой, и когда по ногам потекла вода, я от страха закричала, а старой ведьмы не оказалось рядом. Она как раз уехала в деревню за продуктами и водой из-за отсутствия Рифата. Джабира рассчитывала, что я рожу не раньше наступления полной луны, и у меня не было ни малейших оснований ей не верить. Я ведь ничего в этом не понимала, но, когда вода потекла по моим ногам, я от ужаса вся похолодела.

И начался самый настоящий Ад, о существовании которого я не подозревала. Это была не просто боль, это было нечто зверское и невыносимое. Не помню, на каком этапе я перестала вести себя, как человек, и понимать, что именно происходит. Амина помогала мне, как могла, бедный ребенок, она не знала, чем мне помочь... а потом все же побежала пешком в самое пекло за Джабирой в деревню. И меня поглотила самая настоящая огненная тьма, где вокруг все стало черным от боли, а низ живота жгло, как раскаленным железом, и раздирало на части.

Наверное, я теряла сознание, а потом снова приходила в себя, обводя затуманенным взглядом пещеру и понимая, что я в ней совершенно одна...

Когда послышался голос Джабиры, мне уже было все равно, что со мной происходит, я хотела просто умереть, чтоб эти мучения прекратились, и я ослабла от криков и боли настолько, что не могла сказать ни слова.

– Давай, Альшита, давай, малышка, трудись. Самое страшное уже позади. Малыш шел неправильно, и я немножко его подвинула. Давай старайся, и скоро мы его услышим. Дыши часто-часто и сильно напрягайся, будто хочешь что-то выдавить из себя.

Я делала то, что она говорит... моментами я ее даже не слышала, чувствовала, как Амина промокает мне лоб и обнимает за голову. Потом раздался пронзительный вопль ребенка, и я, очнувшись, распахнула глаза.

– А вот и наша маленькая принцесса. Это девочка, Альшита. У тебя родилась прекрасная розовая малышка! Хотя... я была уверена, что это мальчик... мои видения обычно меня не обманывали никогда!

Я с облегчением выдохнула, чувствуя, как по щекам текут слезы, и даже боль перестаёт иметь какое-то значение на доли секунд... а потом возрождается снова из недр моего тела. Джабира положила мне девочку на грудь... но в этот момент меня вдруг скрутило новым приступом адской боли, и я выгнулась на постели.

– Что такое? Где болит? Должно было стать легче, – послышался голос старухи.

– Не...не знаю... мне кажется, там снова... снова все каменеет, снова больно, Джабираааа.

Я не сдержалась и закричала, корчась на мокрых от моего пота шкурах и подстилках.

– О Аллах! – она раздвинула мне ноги, а потом громко воскликнула, – не верю... да чтоб я трижды сдохла! Так, Альшита, давай, надо еще немножко поработать. Там два малыша. Одну ты родила, а второй тоже просится наружу. Помоги мне, девочка. Надо снова тужиться.

А у меня не осталось сил, боль вымотала меня, и темнота все сильнее наваливалась со всех сторон. Мне даже казалось, что я лечу куда-то по небу. А потом оказываюсь у себя дома. И мама с отцом выходят ко мне навстречу с караваем на полотенце, и мне становится так легко и хорошо, но в эту секунду меня хлещут по щекам, ломая картинку с изображением моей семьи на осколки.

– Альшита, открой глаза. Не время спать. Ты должна работать, слышишь? Помоги ребенку родиться. Смотри на меня. Давай! Вот так!

Я изо всех сил напряглась и от ощущения, что меня разрывает на части, закричала снова, а Джабира вместе со мной.

– Даааа!

И следом раздался еще один крик младенца.

– Мальчик! Слышишь, Альшита, это мальчик. Воот! Старая Джабира никогда не ошибается. Я знала, что ты родишь ему сына!

Но я ее слышала очень плохо, меня все же поглотила та самая тьма, выключая полностью мое сознание, утягивая в благословенную тьму и избавляя от боли.

А утром, когда я открыла глаза, то первое, что дало мне сил – это мысли о моих детях. Я приподнялась на постели и тут же услышала голос Амины.

– Тебе нельзя вставать, ложись. Джабира сейчас придет. Я ее позову...

– Где мои малыши?

Быстрый взгляд на выход из пещеры и снова на меня.

– Сейчас вернется Джабира. Я приведу ее.

– Амина!

Вместо крика вышел хрип, а она выбежала наружу, но я успела заметить, как в ее глазах блеснули слезы. Джабира зашла не сразу, а через несколько минут. Она несла в руках сверток и улыбалась.

– А вот и мы. Самая красивая девочка на свете. Держи, мамочка. Крепенькая малышка. Здоровенькая, сильная. На отца похожа.

Джабира положила мне на грудь теплый, завернутый комочек, и у меня отлегло от сердца и в горле запершило, я чуть приподнялась, разглядывая крошечное, сморщенное личико и очень маленькие пальчики, сжатые в кулачок. Даже не верилось, что этот розовый комочек мое дитя.

– А сын? Где малыш? Ты принесешь его мне?

Все еще увлеченно вглядываясь в черты лица своей дочери и продолжая улыбаться ей, ощущая щемящую нежность в сердце, от которой даже дух захватило.

– Мой сын спит, Джабира?

Подняла голову и... тут же почувствовала, как улыбка исчезла с моего лица и холод стиснул сердце. Старая ведьма отвела глаза, а потом и вовсе отвернулась.

– Прости, Альшита... малыша спасти не удалось. Он родился слишком слабым и... и Аллах забрал его к себе. Чистая... невинная душа. Прости.

Я открыла рот, чтобы что-то сказать и не смогла... казалось, я онемела от навалившейся на меня боли. Она была оглушительно невыносима и резала меня изнутри на куски.

– Ты должна жить ради своей малышки. Она жива и здорова. Ты нужна ей. Это чудо, что она выжила после таких тяжелых родов, и ты сама жива и здорова. Теперь ты не одна.

Но я не могла вдохнуть грудью. Не могла ощутить того счастья, о котором она говорила. Я смотрела на свою девочку и ощущала лишь, что мою дыру в груди только что разворотило еще сильнее, и я опять истекаю кровью...

– Я хочу его видеть.

– Ты не приходила в себя трое суток. По нашим обычаям мертвецов хоронят в тот же день.

Не смогла вдохнуть, только снова приоткрыла рот и ощутила, как корежит все тело, и оно немеет от пытки. В этот момент заплакала моя дочь так тихо, так тоненько, затрагивая в черно-красной дыре какие-то еще не сгнившие струны, и я инстинктивно положила на ее маленькое тельце руку, прижимая к себе.

– Я хочу уехать. – чужим, но уже знакомым мне голосом произнесла, не глядя на ведьму и ничего не видя из-за застилавшего глаза соленого тумана. – Найди Рифата, Джабира. Я решила просить его вернуться домой. Пусть он меня отпустит. Я не хочу здесь оставаться.

Глава 3

Я вздрогнула, когда голос из громкоговорителя возвестил о том, что самолет взлетел, отвлекая меня от воспоминаний и заставляя посмотреть на свою крошечку, которая спала у меня на руках, посасывая большой пальчик. От невероятной и непередаваемой нежности задрожало сердце, и я провела кончиком пальца по ее пухлой щечке. Моя девочка. Если бы не она, то я бы не спаслась от безумия и от черной бездны, которая сожрала мою душу и утопила в самом невыносимом горе для женщины – потере любимого мужчины и его ребенка. Только ее пронзительный и голодный плач заставлял меня вставать на ноги и хотя бы просто функционировать. После той истерики, что случилась со мной, когда Джабира отвела меня к маленькому холмику в песках, обложенному камнями с сухими ветками цветов. Я не знаю, сколько времени я там провела, то в слезах, то просто глядя в одну точку и умирая от отчаянной тоски. Этот холмик стал для меня общей могилой и отца, и сына, ведь мне было негде оплакать самого Аднана. Я ведь не имела право даже на это. Ведь я так и не стала для него кем-то большим, чем игрушка и его рабыня.

Джабира принесла мне дочь прямо туда и положила на пеленку рядом со мной, но я к ней так и не прикоснулась. В тот момент я была мертва, и меня невозможно было воскресить вот так в одно мгновение. Я ненавидела все, что меня окружало, ненавидела даже каждую молекулу воздуха и любой живой звук. Боль рвала мою душу на куски, и я не могла вырваться из ее безжалостных когтей, чтобы хотя бы посмотреть на свою малышку или взять ее на руки. Мне хотелось умереть, чтоб не было настолько больно, чтобы прекратить страдать и не захлебываться отчаянием.

А потом она заплакала. Громко и очень жалобно, сковырнув мою черную дыру, заставив сжаться от необъяснимо сильной тяги взять ребенка на руки... и я так и сделала, повинаясь самому первобытному из всех инстинктов. А когда прижала ее к груди, почувствовала, как она тыкается в меня личиком и что-то ищет, щипая мою кожу крошечными губками. Когда впервые приложила ее к груди, без слез глядя перед собой... моя пустота внутри все же начала заполняться. Нет, она не исчезла полностью, не перестала кровоточить, но она перестала быть настолько безнадежно звенящей, в ней появился один единственный, но столь важный звук – это любовь к моему единственному оставшемуся в живых ребенку. И боль, как обещала мне Джабира, все же немного отпустила... но у этой хитрой твари были свои планы и свои часы голода. Она возвращалась неизменно по ночам, отбирая у меня возможность спать, и терзала меня до полного изнеможения, заставляя корчиться на шкурах, кусать руки, чтобы не орать и не выть, не разбудить малышку. Каждый раз, когда я смотрела на нее, в моей душе все переворачивалось и сердце сжималось от нежности. Всю свою нерастраченную любовь я обрушила на нее, всю ласку, всю свою отчаянную тоску. Она стала единственной причиной открывать по утрам глаза и пытаться жить дальше. Я смотрела на ее темные волосики и смуглую матовую кожу, на ее глаза еще не особо понятного цвета, но уже светлые и, скорее всего, они будут такими же пронзительно зелеными, как и у ее отца.

Мне казалось, что она похожа на Аднана как две капли воды, мне просто до безумия этого хотелось. Первое время я стыдилась, что люблю ее, стыдилась, что она дает мне силы дышать, потому что и ее отец, и маленький братик никогда не почувствуют больше, что значит любовь. Но потом я поняла, что каждая любовь разная. А материнское сердце – оно бесконечно и не имеет начала и конца. В него поместятся океаны любви и ее хватит на всех. Как костер, от которого можно разжечь множество других костров. Когда я пела ей колыбельные, поглаживая черные кудрявые волосы Амины, спящей рядом с нами, я всегда неизменно пела им всем. Всем моим детям. Через две недели я смогла наконец-то дать ей имя... назвала ее настоящим именем матери Аднана, тем именем, что у нее отобрал его отец и о котором никто больше

не вспоминал. Аднан назвал мне его один единственный раз, а я запомнила, и сейчас мне казалось, что более подходящего имени не найти. Ведь ОНА живет в моей дочери. ОНА не может умереть, как умерла я, она вечная и сильная и будет возрождаться снова и снова. Любовь.

И укачивая свою малышку на руках я понемногу успокаивалась, ко мне вернулся стимул жить дальше... вместе с диким желанием покинуть эту страну и вернуть себе свое имя и свободу.

Рифат приехал спустя почти месяц. Не знаю, почему он не появлялся столь долго, но, наверное, он был нужен мне – этот месяц, чтобы начать походить на человека и понять, чего я на самом деле хочу. Он, как и всегда, был молчалив. Спешился и последовал к своим людям, потом к костру ужинать. Меня приветствовал довольно сухо и сдержанно. И я была ему благодарна за эту сухость и безэмоциональность, больше всего на свете я боялась, что мой муж захочет предъявить свои права на меня. Я прождала его в пещере до середины ночи. Не посмела подходить к разбитому лагерю и звать. Любой диалог с Рифатом давался мне с огромным трудом. И сейчас, когда он вошел в пещеру и задернул полог, он вздрогнул, поняв, что я не сплю.

– Нам надо поговорить, – тихо сказала я.

– Надо.

Спокойно ответил он и опустился на табурет, обтянутый бараньей шкурой.

– Я хочу уехать. Дай мне свободу, Рифат. Заклинаю тебя всем, что тебе дорого – отпусти меня. Я больше не хочу здесь оставаться. Расторгни наш брак, наговори обо мне все, что хочешь, и отпусти.

Он поднял голову и так же спокойно ответил.

– Не могу.

– Почему? – я закричала в отчаянии, а он отвел взгляд.

– Потому что едва я расторгну с тобой брак по любой причине, порочащей твою и мою честь, я буду обязан тебя убить. Нет в наших обычаях разводов.

– А... Аднан... он обещал мне, что разведется с Заремой.

– Но не развелся, – уверенно произнес Рифат.

– Он просто не успел исполнить свое обещание.

– Я не Аднан, Альшита. У меня нет столько власти, мне ничего не спустят с рук, как ему. И я обязан соблюдать все законы нашего племени.

– И что это значит? Я вечно буду жить здесь в этой пустыне, как в заточении.

Захныкала малышка, и я тут же обернулась к ней, поглаживая по спинке и покачивая рукой, чтобы она не проснулась.

– Давай поговорим снаружи, – тихо попросила я, и мы вышли из пещеры, отошли от нее на несколько метров, утопая ногами в еще теплом песке. – Рифат... мы ведь не муж и жена. Мы с тобой никто и никогда не станем кем-то. Наш брак бессмысленный, а я не могу так жить. Не могу вечно ненавидеть себя за то, что ты на мне женился, не могу смотреть вашим людям в глаза. Я здесь больше чем чужая. Я распутница и шлюха.

Это был единственный раз, когда Рифат вдруг потерял свое привычное самообладание и резко схватил меня за плечи.

– Все может быть по-другому, Альшита. Все может быть совсем иначе. Я готов закрыть глаза на твое прошлое, я готов принять твою дочь как родную и любить ее сильнее, чем любил бы своих детей. Я готов ради тебя на что угодно... я даже могу увезти тебя в другую страну и бросить все. Понимаешь?

Да, я понимала... В эту секунду я поняла все. И в то же время горечь осадком осела в горле и во рту.

– Понимаю... Но по-другому никогда не будет. Я принадлежу только ему... моя дочь... у нее только один отец, и я никогда не дам ей чужую фамилию. Мое сердце и моя душа никогда уже не станут моими, они отданы, и вернуть назад их уже невозможно. Прости... я не могу

дать тебе ничего кроме моей благодарности и уважения. И... если ты, правда, готов на многое ради меня – то отпусти нас. Дай нам уехать домой. Я тебя умоляю.

Рифат разжал руки и больше не смотрел на меня. Смотрел куда-то через мое плечо.

– Развод я тебе не дам. Как я и говорил ранее.

Внутри все похолодело, и я уже пожалела о том, что так горячо и откровенно отказала ему. Может, надо было как-то по-другому. Неужели он сейчас разозлится и... о Боже, я не хотела даже думать об этом.

– Но я дам вам возможность уехать. Только для этого надо будет оформить для тебя новые документы. Для тебя и для твоей дочери... И ей придется взять мою фамилию.

Перевел на меня взгляд снова и посмотрел мне прямо в глаза.

– Ты поедешь в свою Россию, Альшита. Но и там останешься моей женой. Руки у Кадиров длинные. Я бы не хотел, чтоб тебя достали и там.

Я схватила его за руки, а потом рывком обняла за шею.

– Спасибооо, о Божеее! Спасибоооо.

Но Рифат очень сдержанно отстранил меня от себя. Удерживая на вытянутых руках.

– Я хочу продолжать заботиться о тебе и там. Обещай, что дашь мне это делать, Альшита.

Я быстро закивала и почувствовала, как слезы обжигают глаза. Мне не верилось, что это может быть правдой. Не верилось, что я поеду домой к своей семье...

* * *

– Не можешь уснуть, Рифат? Сон не идет к тем, у кого кровоточит сердце. Я никогда не думала, что оно у тебя есть. А сейчас смотрю на тебя и понимаю, что лучше бы не было. Не той женщине ты его отдал... не нужно оно ей... у нее и своего-то нет.

Рифат сел у гаснувшего костра и подбросил в него угля.

– Она хочет вернуться домой... развода просила. Идиотом себя почувствовал, которого под ребра пнули, как надоедливую собаку. А ведь я долго терпел и ждал...

– Долго? Ты действительно считаешь время и думаешь, что оно приблизит то, чего ты желаешь? Нет времени на самом деле, Рифат. Есть исчисление минут, часов, лет. Не всегда мертвецы покидают живых и дают им свободу, особенно если живые не хотят эту свободу обрести. Это для тебя прошло больше полугода, а для нее все было две минуты назад. Нет у горя сроков, нет определенных рамок, за которыми боль отступает и дает силы дышать. Иногда... иногда она остается с нами навечно и ни на секунду не дает о себе забыть. Есть женщины только для одного мужчины, и ничто на свете не заставит их посмотреть на другого. Она именно такая...

– Откуда ты знаешь?

Глаза Рифата сверкнули, и он залпом осушил чашку с чаем.

– Я тоже такая. Она на меня похожа. В молодости... Только моя дыра в груди со временем превратилась в камень... а у нее там еще есть место для любви и нежности... но не к мужчине.

– Глупости. Женщины выходят замуж и рожают снова от других. Нельзя закопать себя навечно.

– Можно... поверь мне, можно. У кого-то сердце умеет регенерировать и биться заново, а у кого-то оно просто умирает.

– Я подготовлю ей все документы и увезу ее отсюда. И... я больше не стану работать на Кадира. Моя служба его семье окончена.

– Уедешь вместе с ней?

– Нет... но я хочу вернуться в свой дом и продолжить дело моего отца. Без Аднана вся эта война стала бессмысленной.

– Хочешь завоевать ее любовь по-другому?

– Я не знаю, чего хочу... Точнее, нет, я знаю. Ее хочу. С первой секунды, как увидел. До умопомрачения хочу. Я запрещал себе даже думать об этом, я презирал и ненавидел себя за это. А сейчас... Сейчас я не вижу ни малейшей причины не попытаться. Я думал, что после рождения детей она оживет сама... думал, что они вернут ее.

Вскинул голову и посмотрел на Джабиру.

– Как ты допустила, чтоб ее сын умер. Ты ведь самая опытная повитуха, ты принимала самые тяжелые роды.

Джабира перевела взгляд на огонь.

– Я не волшебница. Я человек. Какой бы ведьмой вы меня не считали, но я просто женщина, которая знает немногим больше, чем вы, и имеет опыт. Но даже в самых современных и оснащенных клиниках гибнут младенцы... то что стоит говорить о пустыне, где у меня нет ни интенсивной терапии, ни капельницы. Ребенок был слаб, он второй в двойне, пуповина обмоталась вокруг его шеи, и он не дышал, когда я его достала из нее. Был весь синий... Она думала, что это он плачет... а плакала ее дочь, и я не стала разубеждать несчастную. Она и так натерпелась.

– Слышал, Зарема родила... Сука. Вот как так? Чем эта змея заслужила такое счастье? В милости теперь купается. Кадир от радости закатил пир. Внук первый на свет появился.

Джабира протянула чуть дрожащие морщинистые руки к костру.

– Счастье не всегда заслуживают, иногда его выдирают с мясом у других, – тихо сказала она. – Но оно недолговечно, поверь. Там змей предостаточно, чтоб отравить существование и ей.

– Плевать я хотел на Зарему. Меня больше не волнует семья Кадилов. Я хочу, чтоб Альшита была счастлива... со мной. Любви хочу от нее, улыбки для себя, касаться ее хочу. И у меня хватит терпения. Я дождусь, когда ее сердце оживет... Но я так же начинаю ненавидеть Аднана. Ненавидеть за то, что его призрак ревниво стоит между нами и не собирается уходить.

– Ревность – это жестокая тварь. Она иногда намного сильнее и страшнее ненависти. У нее нет никакой логики, и она сгребает в свои когтистые лапы всех без разбора, заставляя корчиться от адских мук. Но это и есть проявление любви. Соперники – это всегда ненависть и боль. Особенно мертвые. Они ведь не исчезают, они не станут плохими, их нельзя очернить или унижить. Они сияют ореолом святости, даже если при жизни были сущими дьяволами. Мне нравится твое терпение, и твоя страсть... но запомни – они могут принести тебе только страдания.

– Я уже к ним привык. Вряд ли может быть хуже.

Джабира усмехнулась.

– Всегда может быть хуже. Суть женщины непостижима... Возможно, Альшита ответит тебе взаимностью когда-нибудь. Когда сможет.

– Я умею ждать.

– Дай руку, Рифат... посмотреть кое-что хочу.

Потянула дым из тонкой трубки и выпустила в сторону мужчины. Тот протянул ей ладонь, насмешливо прищурил глаза и вытянув ноги к огню. Ведьма взглянула и тут же отшатнулась, отшвырнула руку Рифата.

– В чем дело? Совсем ополоумела?

– Увози ее в Россию и забудь о ней. Разведись и никогда не вспоминай.

Рифат резко встал на ноги и свел брови на переносице.

– Ты что несешь?

– Она тебя погубит... в ней твоя смерть! Он тебе ее не отдаст.

Рифат расхохотался.

– Глупые гадания и глупая женщина. Перепила своего пойла и накурилась дурмана. Кто он? Мертвец? А смерть... так она всегда рядом ходит. Нашла, чем пугать. Иди проспись, старая.

– Я предупредила. Тебе решать.

– Не предупредила, а глупостей наплела. Ищи новое место для жилья. Когда мы уедем, некому будет тебя охранять.

– Я уже давно нашла. Смерть не только на тебя охотится... она и за мной придет.

Глава 4

Асад сидел в своем любимом кресле и потягивал из бокала красное вино. Его мало волновало, что можно, а что не разрешено его религией. Он разрешал себе буквально все, потому что мог себе позволить закрыть рот слишком болтливым и залить кислотой глаза слишком глазастым. Бен Фадх прикрыл веки и расслабился, чувствуя удовлетворение во всем теле. Что не мешало ему думать... и даже топот копыт и шум снаружи не мешали наслаждаться собственными мыслями. Он провернул то, что раньше не удавалось никому, он получил себе в союзники того, кого считал своим лютым врагом, а теперь держал на коротком поводке и кормил зверя с руки. Он умен, хитер и великолепен. Скоро вся пустыня и торговые пути будут принадлежать только ему.

Но все стоило много денег, времени и определенного риска. Но он был бы не самим Асадом бен Фадхом, если бы не продумал каждую мелочь и не заручился помощью нужных людей, которые ненавидели этого ублюдка ибн Кадира так же сильно, как и он сам. Особенно, если ненависть поддержать увесистым кошельком и обещанными благами.

В террариумах шуршали любимые змеи Асада. И он наблюдал из-под прикрытых век, как они кидались на мышат и заглатывали целиком их белесые тела, а тонкие хвостики дрожали у пастей ядовитых тварей, а потом исчезали в глотке. Когда-то он точно так же поймал белого мышонка и решил забрать себе, но у него украли добычу, отобрали и присвоили.

Пока он молчал, наблюдая, его помощник Хадид ожидал указаний.

– Тамару не кормили?

– Конечно, кормили, мой Господин.

Льстивые трусливые твари не посмели бы не покормить. Они слишком боялись за свои шкуры. Потому что сами могут пойти на съедение его девочкам.

– Что думаешь? Я всю ночь размышлял об этом, думаешь, все так и есть? Думаешь, мы не ошибаемся?

– Кудрат вернулся после набега на две деревни, принес трофеи. Думаю, он целиком и полностью верен нам. И осуществит нами задуманное. В полной мере.

Асад прищурился и внимательно посмотрел на своего помощника. Тот весь скукожился, как перед опасным хищником. Бен Фадх довольно ухмыльнулся. Он любил, когда они боялись. Это чувство ему нравилось больше всего.

– А он не может притворяться?

– Нет. Не может. За это время было много проверок. Он ни одну не провалил.

– Его узнают?

– Нет. Он всегда с закрытым полностью лицом. Никто не узнал. А если кто и узнал, то расскажут это только на том свете. У нас в руках новая карта Кадира. Сейчас торговые пути стерегут его старшие сыновья. Один из них на нашей стороне. Будет счастлив, если мы проредим количество наследников шейха.

– А где Кудрат?

– Как всегда... у себя. В своей лачуге. – осторожно ответил Хадид.

– Или в ее комнате? Опять трахает эту дрянь.

– При всем моем уважении... они ведь женаты. Все законно. И Кудрат действительно сейчас в ее комнате.

– Похотливая шлюха. Я должен был свернуть ей шею, едва она взглянула на него впервые.

– Зато он породнился с нашей семьей. Чего еще можно было желать? Раньше этого бы никогда не произошло. У вас теперь в руках мощные козыри. Если ваша сестра родит ему сына...

Асад ударил кулаком по столу, и бокал, подпрыгнув, перевернулся, а красная жидкость полилась на ковер. Он не любил шкуры, он стелил в своих покоях только ковры. И теперь разозлился втройне, когда ковер был испорчен.

– И что? У него уже есть сын. Старший сын!

– Люди смертны. Сегодня – есть... завтра – кто знает, какой болезнью можно заболеть. О, храни Аллах нас от напастей. Тем более они порознь, и его отец явно не торопится увидеть своего отпрыска, а проводит время с вашей сестрой.

Асад сверкнул глазами, но все же слегка расслабился.

– Его стерегут так, словно он весь из золота и бриллиантов. Кадир сам проводит ночи в покоях внука. Тут просто не избавиться.

– Всегда есть добрые люди.

– Пока что не торопись... пока что не надо.

Асад встал с кресла и вышел из своей комнаты, быстрыми шагами пошел по коридору, открывая руками резные двери, с цветным стеклом, между покаями.

Бедуин вышел на веранду и вдохнул полной грудью. Когда-то они с Кадиром были лучшими друзьями. Делили вместе и обед, и ужин, а бывало и женщин. Пока шейх не задрал нос и не зазнался из-за своей русской сучки. Не отдал ее Асаду. Не подарил, как тот просил. А приставил нож к его горлу и вышвырнул из своего дома. Из-за шалавы похерил дружбу.

Потом начал притеснять его людей, изгонять со своей территории, двигать границы. А потом захватил все территории и вышвырнул Асада с торговых путей. Поначалу тот пытался помириться. Посылал ему женщин, оружие, дорогое вино, даже золото. Но все возвращалось обратно. И из-за чего? Из-за дырки!

Асад долго приходил в себя, а потом начал мстить... страшно мстить, продумано. И у него оказалось немало союзников из свиты самого Кадира.

Но ему нужен был серьезный и мощный союзник, чтобы вернуть и земли, и былое могущество. Некто из самой семьи... Просто продажных тварей из свиты братьев недостаточно. Лишь информаторы. Асаду нужен кто-то, кто со временем поднимет войну изнутри. Кто поможет ему разворошить осиное гнездо, а потом сжечь его.

Асад ждал, когда бастард оступится, наживет себе врагов, допустит ошибку, ждал, когда предатели поднимут головы снова и ударят ибн Кадира в спину, и он дождался. Жизнь преподносит подарки тем, кто очень долго ждет. Терпеливо, год за годом работает над вознаграждением за труды.

Вначале Асад хотел его добить лично. Когда принесли на носилках всего разодранного со страшными травмами и зияющей раной на голове. Один удар кинжалом в сердце – и нет проклятого ублюдка, так долго путающего все карты Асада и забравшего женщину, которую везли для него.

А потом посмотрел на полуживого ибн Кадира и решил, что это слишком просто – умереть. Он придумает, как сделать эту смерть желанной и долгожданной. Как заставить корчиться от боли своего пленника. Или... если сильно повезет, использовать в своих целях. И ему повезло.

Ибн Кадира выхаживал лучший врач из Каира, светило и настоящий чудотворец. Покойный лучший врач. Он сшил грудную клетку бастарда из кусков, он залатал ему голову и частично вернул зрение в его правый глаз. Он же сказал Асаду, что мозг бастарда сильно пострадал и последствия могут быть непредсказуемыми. Затем они несколько месяцев ждали заживления ран и многочисленных переломов рук и ног. Все это время ибн Кадир был похож на растение, и Асад уже подумывал прикончить сына шейха и позволить смерти забрать его проклятую душу. Но все же не сдавался. Убить можно всегда.

Ему нужен был этот проклятый сукин сын. Он сделал слишком высокую ставку на него. И дождался. Спустя год молчания бастард заговорил, потом спустя пару месяцев начал дви-

гаться, ходить, самостоятельно есть, возвращаться к жизни. И... как и говорил врач, его мозг пострадал. Вначале он совершенно ничего не помнил. Чистый лист, на котором можно рисовать и писать все что угодно.

Асад приблизил его к себе. Врагов лучше держать близко. Приблизил и дожидался, когда память вернется.

И она начала возвращаться, а пленник стал задавать вопросы и, конечно, не получал на них нужных ответов. Назревал взрыв, и он произошел... Но разве чистый лист создан не для того, чтобы на нем выводить свои рисунки. И Асад нарисовал свою версию произошедшего. Рассказал ибн Кадиру, кто его предал, как и за что. Пока говорил, ему хотелось растереть убудка в порошок, разодрать на куски, убить на месте. Потому что тот задавал правильные вопросы, сбивал с толку, мешал врать и колол едчайшим сарказмом. Но! Слишком рано убивать, слишком многое на кону. Надо вытерпеть и предоставить доказательства. А их у Асада было предостаточно. Если заставить ибн Кадира поверить, что его предали и подставили, то убийцу и палача страшнее не сыскать. А фактов было более чем предостаточно, как и видео, как и фотографий.

Брат – предатель, сливающий информацию Асаду, получающий от него деньги, отец, провозгласивший старшего сына своим приемником, несмотря на рождение у ибн Кадира наследника, и не приехавший за гробом сына. Похоронивший останки без должных почестей и лишь со своей родней, чтобы не позориться его поражением и глупой смертью. На похоронах он так и сказал.

«Мой сын погиб глупой и нелепой смертью»... Пока ибн Кадир смотрел на своего отца, его лицо кривилось, а губы сжимались в тонкую линию. Ненависть отпечатывалась в каждой черточке его лица.

Но это первые удары. У Асада их было еще парочку и самых мощных, прямо в сердце. Его лучший друг бросил бастарда подыхать из-за девки, русская шлюха изменяла с этим другом, вышла за него замуж и родила ему ребенка, не выждав даже времени положенного траура. Он, конечно, может вернуться домой из плена с позором. Отец, скорее всего, простит... но забудут ли люди, как облажался ибн Кадир и что он теперь никто. Доказательства своих слов Асад предоставил в полной мере. Потом несколько дней наблюдал, как один из самых сильных мужчин из всех, что он когда-либо знал, напивается, как последний пьяница. Беспробудно заливался всем, что ему приносят по поручению Асада. Несколько месяцев беспробудного пьянства, диких оргий и драк. Бен Фадх терпел и выжидал. Ему нравилось видеть сына врага в таком состоянии и на самом дне. Если бы он мог снять его мертвецки пьяного, сующего дряблый член в рот очередной шлюхи, и выслать Кадиру, он бы так и поступил... Но всему свое время.

В итоге Асад получил союзника. Верного, преданного, фанатичного союзника, которого и сам уважал изначально. Были свои нюансы, которые раздражали Асада, но в соотношении с выгодой – это капля в море. Наглый, самоуверенный убудок чувствовал себя королем положения, он понимал, насколько нужен Асаду, и диктовал свои условия. А тот вынужден был терпеть. Пока это реально было необходимо, утешаясь мыслью, что когда будет убивать ибн Кадира, то сделает это изощренно и очень медленно.

Ибн Кадир присягнул в верности Асаду, нанес клеймо его армии себе на грудь, принял новое имя и командование маленьким отрядом, с которым сжег первую деревню своего отца.

Огорчала только Фатима, которая вспылала к бастарду какой-то дикой страстью, болезненной одержимостью. Она недавно потеряла мужа. Его убил ибн Кадир... но, кажется, вдова благополучно об этом забыла. Асад делал совсем другие ставки на ее будущее, но упрямая и своенравная сестра ломала все его планы.

Мог бы – свернул бы ей шею. Но ибн Кадир на ней женился, чем и успокоил Асада. Хотя иногда все же брало зло на то, что сестра замужем за этим убудком.

Асад сделал глубокий вдох и распахнул двери в покои Фатимы, и выругался себе под нос. Проклятый бастард трахал его сестру среди бела дня, завалив животом на стол, задрал джалабею на поясницу и удерживая за черные волосы, долбился в нее сзади на дикой скорости.

Асаду была видна его исполосованная шрамами спина, с дырками от ран, с выдранными клоками кожи и ожогами на плече. Живучий сукин сын. С такими ранами не выживают.

Заметив Асада, он и не подумал остановиться, демонстративно шлепнул сестру по круглому задку и начал двигаться еще быстрее так, что упругие ягодички ублюдка сжимались в такт каждому толчку и раздавались характерные шлепки тел. Фатима подвывала и истошно орала, вызывая тошноту.

Брезгливо поморщившись, Асад вышел из комнаты и сплюнул на пол. Услышал, как его сестра что-то говорит, сопротивляется, она тоже заметила Асада, но никто ее не выпустил, пока зверина не зарычал, изливаясь и не стесняясь никого вокруг.

Через время Кудрат (так теперь звали ибн Кадира) появился в проеме двери в длинном халате с осоловевшими глазами и довольно ухмыляясь. Опять пьян, ублюдок. Не просыхает и в то же время умудряется шевелить мозгами.

– Твоя сестра горячая штучка. Я рад, что когда-то подрезал яйца ее мужу и теперь могу наслаждаться ее темпераментом. Входи. Есть разговор, я так понимаю.

Повернулся к Фатиме и кивнул на дверь.

– Погуляй. Мы с твоим братом обсудим важные дела.

Сестра покорно вышла из комнаты, и Асад пожал слегка плечами. Укротить своенравную Фатиму не удавалось никому, кроме его отца. Но после его смерти этого не мог сделать даже ее муж. Зато бастард смог.

– Так о чем пойдет разговор?

Открыл дверцы шкафчика и наполнил бокал дорогим коньяком. Не иначе как Фатима снабжает. У бастарда нет ни гроша за душой.

Сестра балует мужа, как может, за какие заслуги – одному дьяволу известно. Впрочем... определенные достоинства Асад уже лицезрел сам.

– Ты мог не сжигать деревню.

– Не мог. Меня узнали. Да и страх – это хорошо. Когда боятся, делают ошибки.

– Мне нужно взять торговый путь на юге. Но я не знаю, как там расставлена охрана. Пора начинать действовать. Скоро придет товар.

– Начнем действовать. Ты получишь все торговые пути. Ты получишь то, что хочешь получить, а мне дашь то, что хочу получить я.

Асад рассмеялся, но все же ощутил, как по спине пробежал холодок. Он знал, чего хочет бастард – он хочет свергнуть своего отца и братьев и взять всю власть в свои руки. Но Асад этого не допустит. Он даст ибн Кадиру поверить в победу, а потом уничтожит его, потому что такой противник страшен. У него нет ничего святого за душой.

– После взятия торгового пути я хочу взять свою долю. Не подачку и не копейки, а причитающуюся мне половину добычи.

– Ты можешь взять всю добычу. Мне нужен только путь.

Кудрат довольно ухмыльнулся и провел рукой по подбородку. Его полузрячий глаз не двигался так быстро, как тот, что видел. И это вызывало чувство дискомфорта, словно его глаза наблюдали за Асадом под разным углом. Точнее, один из них постоянно смотрел в одну точку, и шрам на виске слегка припустил веко.

– Вот и отлично. Потом я уеду... у меня есть свои личные счета. Когда вернусь, мы обсудим дальнейшие планы.

– Иногда мне кажется, что ты со мной только ради этих личных планов.

– Пусть не кажется. Меньше об этом думай. Какая разница, зачем я с тобой. Нам обоим нужен результат. И мы его получим.

Откинулся на спинку кресла, и в вырезе шелкового халата обнажилась мощная грудь, так же изрытая шрамами. Пару лет назад он был немощен, как ребенок, а сейчас, кажется, стал еще здоровее, чем раньше. И страшнее. Асад все равно ему не доверял. Он не знал, что на уме у этого человека и в какой момент тот может из союзника стать лютым врагом. Но пока что все устраивало их обоих.

Он даже собирался доверить ему налаживать свои каналы в России по доставке оружия. Знание языка и наличие нужных связей могли открыть весьма интересные перспективы.

Глава 5

Ранее...

Самолет шел на посадку, а я прижала к себе Бусю, чувствуя, как сердце разрывается от ожидания, от предвкушения встречи с родными. Рвется на части даже от звуков родной речи. Господи! Сколько же времени меня здесь не было? Вечность! Невыносимую вечность. Как же пахнет домом, как пахнет жизнью... Даже мне, полумертвой, пахнет всеми красками счастья: детством, мамой, беззаботностью и безусловной любовью. Той самой, когда еще не знаешь, что такое боль, когда улыбаешься только потому, что утром воробей сел на твое окошко и лучи солнца прыгают солнечными зайчиками по подушке.

Я жадно пожирала взглядом зелень, березы, ели, траву. Как же здесь красиво. Нет красивее и роднее того места, где ты родился, как бы ни было хорошо в других странах, они все равно будут чужими, далекими. Никогда не вратут в сердце и душу, как своя родная. Я уже и не думала, что когда-нибудь ступлю на настоящую землю, а не в песок.

Посмотрела на посапывающую в слинге дочь, и сердце болезненно сжалось от безумной любви к ней. Наверное, это правильно, что мы с ней приехали сюда. Наверное, это и есть наше с ней место. Я попытаюсь ради нее и ради Амины собрать себя по кусочкам и начать жить. Ради них.

Я успела переодеться в туалете, пока Амина присматривала за Буськой, и теперь не верила зеркалу, что на мне нет джалабеи и моя голова не покрыта. Я в джинсах и в простой футболке, на моих ногах сандалии. Я свободна! А в душе никакой радости... там тоска смертельная и понимание, что я готова надеть на голову хиджаб, закутаться в тысячи джалабей – лишь бы ОН ожил и мой сыночек оказался здесь рядом со мной у меня на руках. Это слишком жестокая и дорогая цена за свободу. Я бы никогда не согласилась ее заплатить.

Сообщить родителям о своем приезде я не смогла. Те номера, что я помнила по памяти, были закрыты, а домашний телефон словно отключили. Мне оставалось только надеяться, что за год они никуда не переехали. Я вышла из здания аэропорта и с трудом сдержалась, чтоб не рухнуть на колени и не начать целовать землю и траву. Мысленно я это сделала сотни тысяч раз. Родная речь заставила глотать слезы и умиляться до боли в груди. И все это вместе с горьким осознанием, что я была бы готова пожертвовать все ради того, чтобы вернуться назад и уберечь Аднана и своего сына. Чужбина стала бы мне близкой и единственной ради них обоих.

Сжала теплую ручку Амины и посмотрела на девочку – она сейчас выглядела, как обычный ребенок без извечного хиджаба и длинных нарядов. Такая милая в джинсах, кофточке с забавными рисунками и с толстыми косичками с двух сторон. Перед полетом Рифат и я удочерили ее официально, и теперь в паспортах она носила нашу с ним фамилию и была вписана к нам обоим. Она стала еще одной моей девочкой, и я очень сильно ее любила, как родную.

Рифат проводил нас до самой взлетной полосы. Перед тем как мы взошли на борт самолета, он дал мне в руки кредитную карту.

– Здесь деньги на первое время. Я буду делать переводы каждый месяц.

– Не надо!

Я сунула карту ему обратно, но он стиснул мое запястье.

– Я твой муж и я отец этих детей. Я обязан заботиться о вас. Это мой долг и сейчас вы моя семья. Уважай и чти меня, Альшита. Большого я не просил и не прошу.

Я смотрела в его черные глаза и видела то, что обычно видит женщина, если она не влюблена и не ослеплена сама – чужую страсть, безответную тоску.

– Ты очень хороший человек, Рифат. Я никогда не думала, что ты такой...

– Не надо. Не надо меня жалеть и говорить совершенно не значимые для меня слова. Я не хочу быть хорошим и милым, а то, чего я хочу, ты мне никогда не дашь. Поэтому будем соблюдать видимость брака и относиться друг к другу с уважением. А дальше посмотрим.

– Я не могу взять у тебя деньги.

– Я все знаю о твоей семье. Вам они понадобятся, а мне в пустыне совершенно не нужны.

– Береги себя, Рифат.

– Я приеду к тебе через пару месяцев. За тобой присмотрят и здесь. Вот номер телефона одного человека. Если у тебя возникнут проблемы – позвони ему. Он решит любую из них.

– Спасибо тебе за все.

Усмехнулся мрачно, как и всегда в его духе.

– Иди. Самолет без тебя улетит.

Я все же крепко обняла его. Он вначале развел руки в стороны, а потом очень осторожно обнял меня тоже.

– Иногда для счастья достаточно даже этого.

А мне стало жаль, что я не могу дать ему большего. Не могу и не хочу. Нет в моем сердце и в душе места для кого-то кроме Аднана.

Мы сели в такси, и я дрожащим голосом продиктовала такой знакомый до боли адрес. Пока ехали, я смотрела в окно на пролетающие мимо деревья и старалась сдержать слезы.

– Так красиво здесь. Все зеленое. Как в сказке.

– А еще здесь есть снег. Тебе понравится. Пойдешь в школу, у тебя появятся друзья.

– В школу?

– Да, в школу. Выучишь язык. У тебя будет будущее и обычная жизнь, как у самых простых девочек.

Амина прижалась ко мне, и я обняла ее за худенькие плечики.

– Я никогда даже не мечтала об этом.

– А о чем ты мечтала?

– Об игрушках. О кукле с длинными белыми волосами, как у тебя. Когда-то мы ездили с мамой в Каир и заходили в магазин... Я видела там куклу. Очень красивую. Наверное, я смотрела на нее целый час, пока мама и тетушки ходили по зале и что-то выбирали в подарки своим племянникам.

– Мама не смогла купить тебе эту куклу?

– Я не просила.

Она посмотрела на меня своими огромными черными глазами. Такими грустными и прозрачно-влажными.

– Почему?

– Потому что у нас и так не было денег. Да и зачем мне такая кукла в пустыне?

Я прижала малышку к себе, поглаживая ее волосики, перебирая пальцами.

– А вдруг твоя семья не захочет, чтоб я с ними жила?

– Что ты! Конечно, захочет! Обязательно захочет. Ты теперь моя дочка.

Амина улыбнулась счастливой улыбкой, и у меня самой на душе стало теплее. Наверное, если бы не мои девочки, я бы с ума сошла. Такси притормозило у знакомого подъезда, и таксист взял мою дорожную сумку, чтобы поднять ее наверх. Я увидела на лавке соседок. Вначале они меня не узнали, потом начали перешептываться и с нездоровым любопытством меня рассматривать. Пока одна из них – Анна Ивановна не всплеснула руками.

– Так это ж Настька! Елисеевых дочка! Живая она, точно не призрак. Вон и детишек с собой привезла!

– Ты где была, бесовестная? – закричала вдруг вторая соседка и сжала кулаки. – Ты мать свою чуть в могилу не согнала, отец запил. Где шлялась, непутевая? Они похоронили тебя уже!

– Тьфу, бесстыжая, еще и дитя в подоле притащила вместе с обезьянкой какой-то.

– Ох что будет-то, что будет. Бедная Нюрка. Только в себя начала приходить, а тут эта с приплодом заявилась.

– Ты чего на нас уставилась? Не тут они теперь живут. Съехали. Квартиру продали. Все деньги на твои поиски истратили. Без трусов их оставила. Наглая гадина! А сама по иноземцам шастала.

– Они в бабки твоей лачугу переехали. Туда и езжай.

– Бесстыжая! Побоялась бы после стольких месяцев молчания! Оставила б их в покое.

– Та куда там. Ребенка ж нянчить кому-то надо, вот матери и тащит, а сама дальше шлаться пойдет.

Я им ничего не сказала, таксист пожилой без слов все понял, сумку обратно в багажник отгрузил.

– До свидания.

Тихо сказала соседкам и пошла к машине.

– Да глаза б наши тебя не видели. Прости, Господи!

Сели снова в машину, и я комок с трудом сглотнула. Вот значит, как меня приняли... а чего ожидать. Со стороны все так и выглядит.

– Кто эти бабушки? Они на тебя злились и кричали? За что?

– За то, что исчезла.

– А плевались почему? У нас так на падших женщин кричат.

Потому что они меня такой и считают... да по сути так и есть. Если б не Рифат, то приехала б я одна с ребеночком и Аминой.

– То они просто не в себе немного. Возраст, все дела.

– Как моя бабка, точно. У нее все женщины падшие.

Я усмехнулась и потрепала ее по щеке, а потом снова в окно посмотрела. Значит, съехали. Бабкин дом совсем обветшалый, и там всего две комнатухи одна другой меньше и двор размером с пятачок. Одна будка собачья помещается. Отец хотел его когда-то снести и просто под огород оставить участок, но потом случилась та авария на заводе, и все, и уже не до огорода нам стало. Ничего. Я вернулась, может, сейчас и лучше всем нам станет. Заживем потихоньку. Деньги у меня есть, спасибо Рифату.

Таксист становился у покосившегося слегка дома с пошарпанным зеленым забором и старой крышей. Вынес опять мою сумку. А я пошла к калитке, задыхаясь от слез, чувствуя, как разрывает все в груди, потому что маму увидела. Как белье вешает через забор от меня. Совсем седая стала, волосы ветер треплет, а она вешает и отбрасывает их тыльной стороной ладони с родного лица. А я хочу сказать «мама» и не могу. Оно в горле застряло. Слово это самое главное в жизни. Она вешает, а я над забором иду и смотрю на нее, насмотреться не могу. Потом не выдержала и сказала:

– Маммаааа... – громко, – мамочка, – уже шепотом.

Она вздрогнула вся. Медленно обернулась ко мне и застыла.

– Мамочкаааа, – прошептала я снова.

У нее слезы из глаз покатались, так и стоит, с места сдвинуться не может. А я там, за забором. Потом и она, и я одновременно быстро к калитке пошли. Дернула она ее и тут же меня в объятия схватила, и я заплакала навзрыд, пряча лицо у нее на груди, зарыдала так громко, завывала, как ни разу за все это время. Она сжимает меня и тоже плачет, опускаясь вместе со мной на землю и не размыкая рук.

Глава 6

Спустя два года...

– Анастасия Александровна, вы идете? Можем вместе на маршрутке.

Людочка заглянула ко мне в кабинет и улыбнулась.

– Да, скоро иду. Мне осталось проверить одну работу, и я закончила. Идите, не ждите меня.

– Вечно вы допоздна засиживаетесь. Как ваши дочки? Младшая в садике?

– Нет, мама помогает.

– Какая молодец ваша мама, а вот моя... той лишь бы с новым кавалером куда-нибудь укатить. А мой Ванька вечно болеет, и я с этими больничными и отгулами.

– Попробуйте дать витамины. Говорят, помогает.

Я нарочно опустила взгляд в тетрадь и принялась переворачивать страницы. Наверное, я плохой человек, но мне неинтересны все эти сплетни, обсуждения детских болезней, матерей, свекровей и вообще чужой жизни. Меня никто и ничто не волнует – только я, мои дети и моя семья.

– Ох, ладно, побежала я. А то на автобус опоздаю.

Вот и правильно, беги. Я лучше потом сама доеду. Подняла голову от тетради и посмотрела в окно – все снегом замело. Красота такая, иней поблескивает на деревьях и на оконных стеклах. И почему-то от взгляда на эти белые рисунки, на сверкающие искры на ветках меня такая тоска окутывает, так больно внутри становится. Уже два года, как никто не называет меня девочка-зима... Ему так нравился снег. Он говорил мне, что видел его всего лишь один раз в своей жизни. И мне невероятно хотелось вместе с ним смотреть на этот снег... вместе с ним видеть это волшебство. Но я могу только вспоминать.

Постараться привыкнуть к той мысли, что все, что со мной случилось, осталось в прошлом. Не вычеркнуть, не постараться забыть, потому что это бесполезно, а просто привыкнуть. Ведь за два года можно было начать справляться... Это достаточно большой промежуток времени. А я так и не начала. Со мной что-то не в порядке. Иногда месяцами не накрывает, и жизнь идет своим чередом, а иногда накрывает, как сегодня. Просто от взгляда на снег за окном. И справляться с приступом тоски и отчаяния, надеясь, что станет лучше. Когда-нибудь обязательно станет. Ведь я в какой-то мере счастливый человек, со мной мои родители, мои дети... Хотя зачем я кривлю душой перед собой. Со мной только мама. Отец меня так и не принял. В тот день, когда я приехала домой, он выгнал меня, он так орал, говорил мне такие мерзости, что я от боли оседала на пол, придерживая младенца и не веря, что слышу все это от родного мне человека.

– Вернулась? Откуда вернулась, проститутка проклятая? Под кем валялась? Перед кем ноги раздвигала, пока мы с матерью сходили с ума и всех денег лишились...

– Папа...

– Замолчи! Никогда больше не называй меня отцом! Не смей! Я не отец тебе!

– Я... это твоя внучка, я...

– Нет у меня дочери, а значит, и внучки нет! Ясно? Твой черный выродок не внучка мне, и вторую обезьяну забирай и не смей сюда приходить с этими выродками!

– Саша!

Мать бросилась к нему, но он замахнулся на нее костылем, бешено вращая глазами и выплевывая мне в лицо оскорбления и свою ненависть.

– Вон пошла. Чтоб духу твоего на пороге моего дома не было. И выб**дков своих забирай. Голос твой слышать не хочу!

За сердце схватился, и мать к нему бросилась.

– Сейчас, Саша, сейчас. Я валидол и нитру достану. Ты ложись. Не переживай так. Настя уходит уже.

Повернулась ко мне и рукой махнула, мол, иди.

А я ушам своим не верила, я шаталась вся и дрожала всем телом. Никогда отец не был так зол на меня, никогда не видела от него столько яда и ненависти.

– И Верка с Тошкой пусть с этой сучкой не общаются. Нечего учиться у нее, как бл**ью стать и как под иностранцев ложиться, семью позорить. Слышишь? Чтоб не смела младшим давать с ней общаться! Не то я за себя не отвечаю.

Я тряхнула головой, стараясь отогнать воспоминания и проглотить наворачнувшиеся на глаза слезы. Конечно, страсти улеглись через время. Но с отцом мы так и не общались, и Бусю он ни разу на руки не взял. Мама ко мне на съемную квартиру приезжала и помогала, чем могла. Веру с Тошей привозила. Иногда мы вместе гулять ходили или в кино. И моя жизнь вроде как вливалась в самое обычное русло, когда пытаешься жить, существовать ради кого-то, засовывая свою боль как можно дальше. Я с ней справлялась, умела договариваться и разрешать ей приходить в другое время, когда никого нет рядом.

Я встала со стула и подошла к окну. Посмотрела на звездное небо такое яркое, темно-синее и вспомнила такое же небо над своей головой в жаркой пустыне, когда мы лежали на песке и смотрели вместе на звезды. В тот короткий период нашего счастья. Я позволила себе быть слишком счастливой, и у меня это счастье отобрали. Нельзя так радоваться, нельзя настолько погружаться в миражи, когда они сгорают дотла, боль становится невыносимой. Распахнула окно, и морозный воздух ворвался в аудиторию. Взвил мои волосы, швырнул мне в лицо маленькие, колючие снежинки. Опустила взгляд вниз, и на секунду что-то дернулось внутри. Там стоял мужчина. В тени деревьев. Свет фонарей падал на его мощную высокую фигуру в черном пальто и на лицо, поднятое кверху. И на долю секунды мне показалось... нет... я не могла этого озвучить даже про себя... сильно дух захватило. Я отпрянула от окна и тут же прильнула к стеклу обратно, но там уже никого не было. Мне, наверное, показалось. Это все мысли о НЕМ. Бесконечные, тягучие и болезненные, как открытая рана. И тоска. Дикая, непреодолимая и необратимая, как смерть. Особенно когда вот так накатывают воспоминания.

Я собрала бумаги в стол, остальные сложила в сумочку. Наверное, в аудиториях университета, где я преподавала арабский язык, уже никого не осталось. Пора и мне ехать домой.

Накинула шубу из искусственного белого меха, шарф на шею и вышла на лестницу.

Когда спустилась вниз и толкнула массивные двери, остановилась и улыбнулась – Рифат стоял внизу, дул на замерзающие руки и ждал меня рядом со своей машиной. Приехал. Сдержал слово. Аминка очень его ждала. За эти два года он приезжал почти каждые два-три месяца. Бывало и чаще. У меня не останавливался. Обычно жил в гостинице, но в гости приезжал постоянно. Дети ему радовались. Особенно Амина. Любашка успевала отвыкнуть, пока его не было. Те деньги, что он оставил мне на карте и постоянно пополнял, я почти не трогала. Только однажды дала маме – отцу на лечение в больнице и детям на зимнюю одежду. А так старалась справляться своей зарплатой и подработками.

Особо себя не баловала ничем. Зато баловал Рифат, когда приезжал, привозил ворох подарков мне и детям. Эту шубу тоже он купил в прошлый визит. Я бы, может, ее и не приняла, но он настоял... а я не могла отказать. Я чувствовала свою вину так же, как и раньше.

– Очень рада видеть тебя, Рифат.

– И я очень рад тебя видеть, Альшита.

Вздрыгнула, когда он назвал меня именно так. Потому что слишком напоминало, кто мне дал это имя.

– Амина обрадуется ужасно. Она будет прыгать от счастья.

– А ты... ты счастлива, когда я здесь?

Взял мои руки в свои и поднес к лицу. Черные глаза сверкают из-под густых бровей, и я вижу, как он застыл в ожидании моего ответа.

Мы постоянно касались этой темы... Не часто, но каждый раз, когда Рифат приезжал, он чего-то ждал от меня, а я ничего не могла дать взамен, и это был нескончаемый бег по кругу. Ведь он оставался моим мужем. В глазах моих родственников, друзей, моего окружения мы женаты.

И от этих мыслей у меня мурашки пробегали по телу. Нет, я не испытывала к Рифату плохих чувств, и он не раздражал меня. Я просто понимала, что никогда не смогу стать ему женой по-настоящему. Сама мысль о том, чтобы ко мне прикоснулись чужие руки, вызывала во мне волну отвращения.

– Конечно, счастлива. Ты мой самый лучший друг. Ты для меня ближе, чем кто бы то ни было.

Усмехнулся, продолжая удерживать мои пальцы.

– Друг... всегда только друг.

– Самый близкий друг, – добавила я и ощутила, как сердце сжимается от жалости к нему.

И я знала, что это чувство невероятно оскорбляет его гордость. В этом он был похож на Аднана. Но влюбиться в того, кто вызывает лишь желание погладить по щеке и пожалеть, все же невозможно. Любовь не имеет ничего общего с жалостью. Она-то как раз ее не ведает. Она беспощадна в своей необратимости и эгоизме, как говорил ибн Кадир.

Я понимала, чего ожидает Рифат, но я так же точно знала, что никогда не смогу ему этого дать.

– Почему всегда только друг?

Он впервые задавал этот вопрос, продолжая удерживать мои руки и глядя мне в глаза.

– Потому что я не могу предавать... ЕГО.

– Прошло два года. Траур окончен. Как можно предавать того, кого нет? Я хочу дать тебе намного больше, чем даю сейчас. Я хочу больше, чем дружба, Альшитааа. Если бы ты позволила мне...

И прижал мои руки к губам. Я не оттолкнула, но вся внутренне сжалась.

– Мне нечего тебе дать, Рифат. У меня ничего нет для тебя. Я пустая. У меня нет сердца, нет души. Даже имя, которым ты меня называешь, не принадлежит мне. Все ЕГО. Я вся. Мое тело, мои мысли, мои чувства. Он есть. Ты просто его не видишь. А я вижу. Чувствую. В глазах нашей дочери. В ее улыбке, в ее запахе. Он есть. И я уже предала его, когда согласилась выйти за тебя.

Рифат стиснул челюсти и освободил мои руки.

– Глупости. Его нет. Я лично отвез его тело и лично предал земле. Ты хранишь верность призраку и хоронишь себя живьем.

Я усмехнулась горько, потому что во рту осел привкус этой горечи.

– Это для вас для всех нет. Для вас прошло два года. А для меня все, как час назад. Я его вижу, едва закрываю глаза. Я вижу его наяву... сегодня мне показалось, что он стоит под моими окнами и с ненавистью смотрит на меня.

– Это наваждение. Ты себя в этом убеждаешь.

– Возможно... но я этим живу. Это является мною. Он часть меня.

– Мы так и будем оставаться вечно близкими друзьями?

– Мы можем развестись.

– НЕТ! – его лицо исказилось от ярости. – Мы не разведемся. Потому что тогда ты будешь в опасности. Или ты забыла, как тебя пытались убить и отравить?

– Тогда давай больше не говорить об этом.

Он вдруг скривился, как от боли, а потом взял меня за плечи:

– Но почему, Альшита? Почему, объясни мне? Неужели я не заслужил хоть немного твоей любви? Хоть самую малость чего-то большего, чем было всегда? Я недостойн? Чем я хуже Аднана? Я настолько омерзителен для тебя?

Боже! Зачем он приехал? Зачем этот разговор, который рвет мне совесть, а ему душу.

Я обхватила обеими руками его лицо.

– Нет, что ты! Нет! Ты мне не омерзителен. Ты самый лучший мужчина из всех, что я когда-либо встречала. Мои дети любят тебя, как родного. Ты столько всего сделал для нас... Но... пойми, я не люблю тебя. Мне нечем тебя любить. Я вся принадлежу другому, и за эти два года ничего не изменилось. Я все так же ЕГО. Как я могу отдать тебе то, что мне не принадлежит?

– Ты могла бы попытаться.

– Не могу. Прости. Я не могу даже попытаться. Я не могу даже сказать, что через год, два, десять что-то изменится, потому что я точно знаю – нет.

Я убрала ладони и сунула руки в карманы.

– Давай расторгнем наш брак, и тебе больше не надо будет приезжать сюда, беречь себя раны и мучить нас обоих.

– Ты так хочешь от меня избавиться?

– НЕТ! Нет же! Я хочу, чтобы тебе было хорошо.

– Мне хорошо, когда я могу видеть тебя... пусть и не часто. И когда могу быть тебе даже просто другом.

Он улыбнулся, и я улыбнулась ему в ответ.

– Прости, что надавил... я просто тосковал по тебе и... как всегда надеялся, что что-то изменилось. Я больше не буду говорить с тобой на эту тему. Обещаю.

Я обняла его за шею и прижалась к его груди.

– Спасибо тебе за все.

– Так, ну что стоим. Поехали к тебе, отвезем твою маму домой и поедem с девочками гулять.

Я быстро закивала и мысленно с облегчением выдохнула.

Мама все знала. Знала про наши отношения с Рифатом, а точнее, про их полное отсутствие. И про Аднана знала... про малыша. Мы столько слез с ней выплакали вместе, наверное, мир можно было в них утопить, но рядом с ней мне становилось легче. Она словно боль мою себе забирала, делила поровну. Иногда даже просто молча поглаживая по голове. А еще сильно отвлекали Вера и Антошка. Они так выросли за это время. Изменились. Но и это случилось не сразу. Меня не так уж хорошо приняли родные брат и сестра. Особенно сестра. Из маленького котенка, который всегда ластился ко мне, она превратилась в колючку и теперь колола меня своими шипами при каждом удобном случае. Не могла простить мне моего отсутствия. И я ее понимала. Каждый переносит страдания по-своему. И малышка решила, что виновата во всем именно я. Ведь это я исчезла, я причинила боль маме, я заставила их переехать в полуразвалившийся дом бабушки и перейти в другую школу, где они терпели насмешки и привыкали ко всему заново. Это очень непросто. И я ждала, пока они смогут снова относиться ко мне, как и раньше. Я верила в то, что семья – это всепрощение и бескорыстная любовь. Особенно моя семья... Когда-нибудь и отец отгадет. Когда-нибудь он простит меня за то, в чем я не виновата. Я желала этого всем сердцем. Я простила его за несправедливость уже давно.

Постепенно все налаживалось. Благодаря деньгам Рифата мы потихоньку делали ремонт в доме, строили пристройку, расширяли его. Мой муж нанял работников, не слушая ничьих возражений. Он вообще вошел в мою семью, и его любили все, кроме моего отца. Дети души в нем не чаяли. И... меня это не радовало. Ничего не радовало. Может, я неблагодарная тварь, но мне не нужно было его внимание, забота, его деньги и не нужно было, чтоб мама каждый раз с упреком смотрела на меня и ожидала, когда же мы с Рифатом станем настоящими мужем

и женой. Меня не радовала любовь моей семьи к этому человеку, не радовала привязанность детей. Мне казалось, что оно все ворованное, какой-то чудовищной ошибкой судьбы, отобрано у того, кому предназначалось изначально. Это Аднана должны были любить дети, это он должен был ремонтировать дом бабушки, это он должен был заботиться обо мне! Он! А не этот человек с черными глазами и постоянным голодом в них, делающий все, чтобы купить мою любовь чем угодно... и не вызывающий ничего кроме раздражения этой настойчивостью.

– Настя, ты поступаешь не по совести, дочка. Ну нельзя так. Сколько времени прошло. Дай ему шанс.

Очередной разговор за закрытой дверью кухни, пока Рифат сидит в машине и ждет, когда мы спустимся вниз. Гулять с детьми... Гулять тогда, когда мне хочется укрыться с головой и думать совсем не о нем. У меня приступ тоски и боли, а я должна улыбаться и делать вид, что все хорошо.

– Мама, я его не люблю. Понимаешь? Совсем. Я ему благодарна, но это не пробуждает во мне желания, чтобы он меня касался.

– Я понимаю... но ведь ты согласилась выйти за него, и уже больше года он приходится тебе мужем. Он заботится о твоих детях, об Аминке, о твоих брате и сестре. Даже отец начал говорить о нем мягче.

А мне каждое ее слово ножом по сердцу, по незатянувшимся ранам, по больным воспоминаниям.

– Мамочка... не он это должен был быть. Не он.

– Я понимаю, – берет за руку и сильно сжимает, – понимаю, что свежо еще, что не отболело, но надо жить дальше, девочка моя. Не должны мертвые отнимать жизнь у живых и право на новое счастье.

Все правильно она говорит... только что делать, если я не счастлива и счастье свое с этим человеком не представляю?

– Мам, давай закроем эту тему. Ты бы не хотела, чтоб я насильно ложилась с ним в постель, а после плакала в ванной от презрения к себе?

– Бог с тобой! Ты что! Конечно, нет, моя девочка!

– Но будет именно так. Я его не хочу. Для меня он просто друг. Но даже дружба тяготит, когда она навязчива. Мы ведь не продадимся за помощь и за деньги?

Это, конечно, был скользкий вопрос и сложная тема. Рифат во многом нам помогал, и наконец-то отпали мысли о том, где взять денег, как оплатить школу, новые принадлежности и так далее. Но мне претила сама мысль, что ради этого я должна согласиться стать настоящей женой Рифату.

Зашла к Буське, и ко мне тут же выкатился комок с всклокоченными черными волосами и зелено-кариими глазами. Я не всегда понимала, какого именно они цвета. То ли карие, то ли зеленые. Но определенно светлые. Чертеночек ни на секунду не сидела на месте. Ее вихрем носило по всей квартире, она засовывала свой курносый нос в каждую щель, рыдала, прищемив любопытные пальчики, и тут же лезла еще куда-то. Неугомонная. И так похожа на своего отца. Смуглая кожа, пухлые губки, ямочки на обеих щеках, буйная черная шевелюра.

– Привет, чертеночек, – я присела на корточки, и она тут же покусала мне лицо. Буська не умела сдерживать эмоции и целовать, если ее сильно переполняло, она кусалась и очень чувствительно за щеки, за губы. Обкусывала все лицо и душила в объятиях. Я уже привыкла и кусала ее в ответ. Мы тискались до потери пульса, смеялись, и потом я тащила ее переодеваться, пока она радостно пищала и что-то напевала.

– Она сегодня тааак скучала по тебе, что не захотела есть.

– Ничего, мы поедем в городе. Да, чертеночек?

Быстро кивает и тянет ручки, дальше кусаться своими маленькими зубками, а я пытаюсь на эту юлу натянуть свитер и штаны.

– Мамамамамама

– Бусябусябусябуса

Бодается, счастлива, что я дома, и я счастлива вместе с ней, и в такие минуты пропадает тоска, не болит сердце, в такие минуты я почти счастлива. Забегает Амина, она закончила как раз делать уроки.

– Я одета.

Вертится во все стороны, демонстрируя мне модные штаны и бирюзовую толстовку. Такая красивая в новой одежде. Совсем не похожа на то измученное и загнанное создание, которое я увидела там, в пустыне. Ей уже десять. Она повзрослела и преодолела много трудностей. Выучила русский язык, поставила на место одноклассников, пытавшихся унижать ее за цвет кожи и незнание языка, нашла друзей и умудряется быть одной из лучших учениц в школе. Без репетиторов.

– Я просто не хочу, чтоб они думали – раз я темная, значит, тупее и хуже их. Я должна учиться лучше. Я арабка, а не прокаженная.

Я ласково прижимала ее к себе. Моя сильная девочка столкнулась с одним из величайших проявлений жестокости человечества – с расизмом. У нас, здесь, он развит особо сильно, и уберечь ее от нападков не в моих силах, но она молодец, она справилась сама. Пару раз мне даже приходилось идти в школу, потому что Амина давала сдачи и давала сильно и очень больно. И правильно делала. За себя надо уметь постоять, и пока Амина не знала язык настолько, чтоб ставить на место словами, она делала это самым примитивным способом.

– Не важно, кто ты по национальности, важно, что живет в твоём сердце. А плохие люди есть среди любых наций и вероисповеданий. Ты должна быть лучшей только по одной причине – ты моя девочка, а я всегда хорошо училась.

Я трепала ее за пополневшие щеки, и она, смеясь, обнимала меня за ноги.

– Как же мне повезло, что я встретила тебя, Настя. Ты мне, как мама. Нет никого ближе тебя.

– А ты мне и есть дочка. И я люблю тебя очень сильно.

Мама тоже полюбила Амину почти сразу. Ее невозможно было не полюбить. Кроткая, тихая, все умеет, во всем помогает. Слова поперек не скажет.

А вот с моими братом и сестрой у нее отношения сложились не сразу... но и здесь Амина победила. Ведь ее нельзя не любить. Моя вредная Верка все же приняла ее, а потом и подружилась намертво. Так что теперь они вместе делали уроки, Амина со временем начала помогать Вере. Антошка долго сопел в две дырки, хмурился, не общался, а потом набил морду пацанам, которые посмели обидеть Амину, и теперь постоянно провожал ее домой. Иногда я многозначительно намекала Аминке, что, кажется, она нравится Антошке, и та стыдливо краснела. Антон ей тоже нравился. Верка называла их жених и невеста, за что получала от Антона. Как же, он же мальчик, и в его возрасте положено ненавидеть всех девчонок на свете.

Когда спустились вниз, Рифат поздоровался с мамой и тут же открыл перед ней дверцу автомобиля, потом обнял Амину. Протянул руки к Буське, но та вцепилась мне в шею и ни за что не собиралась отпускать. С ней трудно поладить даже бабушке, так как чертик принадлежит только мне и никого к себе особо не подпускает. Строптивая, как и ее отец.

Я никогда не могла сказать «покойный». У меня язык не поворачивался. Потому что не покойный... потому что я о нем каждую секунду думаю. Никакого покоя ни мне, ни ему.

Но Буське все же пришлось посидеть на руках у Рифата, пока мы размещались в машине. Потом он подал ее мне, и я усадила ее в детское кресло.

Снова начался снег, и я посмотрела в окно и снова вздрогнула. Неподалеку от нас стояла машина с затемненными стеклами. Именно такую же машину я видела под окнами университета. Видно чей-то силуэт, но рассмотреть водителя невозможно. Внутри что-то тревожно

сжалось. Особенно стало не по себе, когда мы тронулись с места и джип двинулся следом за нами. Я успокаивала себя, что, наверное, это охрана. Рифат просто приказал следить за нами.

Мы завезли маму домой, забрали Веру с собой. Она всегда гуляла вместе с нами. Когда мама вошла в дом с пакетом с апельсинами, которые передал ей Рифат, я услышала голос отца.

– Уже приперлась со своим этим? Опять куда-то поехали?

– Да, гулять поехали. Первый снежок. Красота на улице. Веру с собой взяли.

– Ясно. Денег куры не клюют, шлятся.

– Перестань. Муж нашей дочери хороший человек и...

– Он, может, и хороший, а она... Все, не хочу о ней говорить.

– А кушать, то что они передают, хочешь?

Раздался грохот, и я поняла, что это апельсины по полу рассыпались. Отец швырнул пакет.

– Мне от этой проститутки ничего не надо. Чтоб больше не таскала сюда ничего от нее, и работников я выгоню. Елисеева не купить! Ясно?

– Альшита, – я обернулась на голос Рифата к машине и неестественно улыбнулась. – Поехали. Мы тебя ждем.

Кивнула и уже собралась было идти, как опять заметила вдалеке тот же джип. И снова на душе беспокойно. Села в машину, выглянула опять в окно – поедет следом или нет. Но джип остался на месте.

Пока гуляли в торговом центре, меня не оставляло ощущение, что за нами следят. Словно чувствовала на себе чей-то взгляд, ощущала кожей. Может, у меня началась паранойя? Когда мы сели за стол в кафе, я спросила у Рифата:

– Может, хватит за нами охране кататься? Ты ведь здесь.

– Какой охране?

– Ну... я заметила джип. За нами ехал.

– Тебе показалось. За нами ездит совсем другая машина. И если бы за нами кто-то следил, я бы уже знал об этом. А джип? Полный город джипов. Говорят, у вас нет денег, а народ на крутых машинах катается.

Я усмехнулась вместе с ним. В этом он прав. Я сама обращала внимание на количество дорогих автомобилей в городе. Наверное, он прав и мне действительно показалось. Как и тот человек под деревом сегодня... вспомнила и снова вздрогнула.

Глава 7

Я думала, что все кошмары в моей жизни остались позади, что я пережила все, что можно пережить, и больше со мной ничего подобного не случится... Я ошибалась. Кошмары имеют свойство возвращаться и становиться еще ужаснее, чем раньше. Только мои не были сном, они разодрали меня на части наяву.

А всего лишь за день до этого я поверила, что все налаживается, что я становлюсь нормальным человеком... Тем, кто может улыбаться и радоваться жизни, смириться с ужасной потерей и жить ради детей и семьи. После прогулки по городу и в торговом центре, мы поехали ко мне домой. Аминка вместе с Верой не отпускали Рифата. Они пристали к нему с расспросами об оружии бедуинов, и он пообещал дома рассказать им о ножах и мечах, которые испокон веков бедуины изготавливали сами. За этот год Рифат неплохо выучил русский. Конечно, он говорил с ужасным акцентом и коверкал слова, но он уже мог общаться с Верой и с моей мамой без переводчика, то есть без меня.

Пока они на кухне обсуждали холодное оружие, я укладывала Бусю, а это было совершенно непросто. Чертик никогда не укладывалась быстро, она вертелась, крутилась, пела песни, дергала меня за волосы и засыпала только тогда, когда у меня уже все нервы превращались в лохмотья. Но в этот вечер она уснула довольно быстро, и я вышла на кухню к Рифату и девочкам. И опять такая тоска скрутила душу, что это не Аднан сейчас с ними за столом... а Рифат. Как бы я сейчас была счастлива, будь это любимый моего сердца... но я теперь могу видеть его только во сне или в своих воспоминаниях.

Ближе к полуночи Риф засобирался, и я услышала, как он обзванивает гостиницы, оказывается, все еще не успел забронировать номер. И, кажется, с комнатами было туго. Он набирал снова и снова, ругался себе под нос, одеваясь в прихожей. На улице повалил снег еще сильнее, как назло расплакалась Буся, и я убежала ее укачивать, уложила и услышала, как Рифат вышел из квартиры. Выглянула в окно, а он прохаживается у машины и звонит, и звонит. Стало до дикости жалко его и стыдно за то, что в такую погоду выставляю человека буквально на улицу. А ведь он единственный, кто по-настоящему заботится обо мне. Набросив шубу, я спустилась вниз. Рифат тут же отключил звонок, увидев меня.

– Все занято. Наверное, придется спать в машине.

Он поджал губы и улыбнулся.

– Не надо искать номер в гостинице или спать в машине. Оставайся у меня. Я постелю тебе на диване в прихожей. А завтра уже найдешь, где остановиться.

Его взгляд вспыхнул тем самым огнем, который меня саму заставлял ощутить себя последней дрянью, и, протянув руку, погладил меня по щеке.

– Спасибо. Я не стесню.

– Я знаю. Поднимайся. Холодно здесь ужасно. К вечеру температура падает еще ниже.

Рифат резко привлек меня к себе.

– Когда ты рядом, Альшита, мне везде тепло. Я бы спал под твоими окнами и не ощутил холода и неудобств.

– Тебе не надо спать под моими окнами. Ты все же мой муж.

Я высвободилась из его объятий и потянула за руку к подъезду, а когда за нами закрылась дверь, я услышала рев мотора на улице, словно кто-то сорвался с места, завизжав покрышками, звук удара и снова визг. Какой-то ненормальный с ревом умчался в сторону центральной дороги.

– Дебилов всегда хватает. – сказала себе под нос и пошла впереди Рифата вверх. – Как тебе погода в России?

– Холод собачий, – ответил с акцентом по-русски, и я рассмеялась.

* * *

В эту ночь мне впервые за много месяцев приснился Аднан. Это был странный сон. Мне казалось, что все происходит наяву, и в тоже время мне было жутко до такой степени, что казалось я от этого ужаса во сне умру. То, что вначале началось, как дивная сказка в теплых песках при золотистом свете заходящего солнца в виде силуэта, скачущего ко мне на коне, окончилось так кроваво и больно, что я кричала во сне и охрипла от слез. Но вначале... я словно на повторе увидела нашу самую счастливую ночь в пустыне. Ту самую, в которую мы зачали наших детей.

– *Хабиб Альби, Аднан, – притягивая его к себе за шею, почти касаясь своими губами его дрожащих губ. Содрогаясь от наслаждения и голода. Как же я ждала этих касаний, этих сладких и порочных губ. И как же сильно хотела сказать ему о том, что люблю... о том, что никто и никогда не заботился обо мне так, как он.*

И Аднан улыбается своей ослепительной улыбкой все шире и шире. И сойти с ума окончательно, когда сама нашла его губы, обхватила своими – сначала верхнюю, потом нижнюю, и он с хриплым стоном впился в мой рот, дрожа всем телом, прижимая меня к себе сильнее и сильнее, сталкиваясь языком с моим языком и содрогаясь от неопишуемого восторга. Впервые мои пальцы сплетены на его затылке и впиваются в его волосы. И голод возвращается с новой силой, окутывает нас пеленой, маревом все той же непреодолимой жажды, а робкие движения моего языка у него во рту отдают едким возбуждением внизу живота. Отрывается от моих губ и скользит жадным широко открытым ртом по моей шее, по ключицам, и дрожит всем телом, пытаясь все сильнее и глубже втянуть в себя мой запах. Скользит пальцами по моей спине, сминая ткань джалабеи, и я чувствую, как кружится голова от его близости. И от его хриплого шепота... Божеее! Как же я хочу услышать его голос наяву. Как же я хочу хоть раз его услышать.

– *Как же я соскучился по тебе, моя Зима, изголодался.*

А потом вдруг хватает за шею, и я начинаю понимать, что это не ласка, что его пальцы сжимаются все сильнее и сильнее, а глаза, такие блестящие любовью всего лишь секунду назад, наливаются кровью и дикой злобой.

Впервые мне снилось, что он меня ненавидит, впервые я видела, как корчится от этой ненависти его лицо. А потом Аднан воткнул мне в сердце нож и со словами:

«Будь ты проклята!» – прокрутил его у меня в груди несколько раз. Но я не умерла, я упала на пол и, протягивая к нему окровавленные руки, ползла за ним на коленях.

Проснувшись от того, что невыносимо болит в груди и все лицо мокрое от слез. Впервые я обрадовалась, что лучи солнца вырывали меня из пучины сна, в котором был ОН. Я юркнула в ванну – смывать с лица слезы и успокаиваться после пережитого ужаса. Долго смотрела на свое отражение, а у самой пальцы покалывает, и я все еще ощущаю, как по ним моя собственная кровь течет, и в груди больно так, словно там нож продолжает торчать. Умылась холодной водой и вышла на кухню, где Рифат уже варил арабский кофе. Увидев его, немного успокоилась. Ощущение, что сон был явью, ушло.

Приехала моя мама посидеть с Бусей, а мы отвезли Амину в школу. Такой обычный день. Как и всегда... Я иногда думаю о том, что все дни в нашей жизни надо считать особенными, потому что никогда не знаешь, чем они закончатся и кого уже на следующий ты можешь не увидеть. И я не знала... не знала, что до сегодняшнего дня я была все же счастлива, и, наверное, прогневила Бога своим горем и тоской. Я должна была почувствовать, должна была ощутить,

что происходит что-то страшное, должна была понять еще несколько дней назад, что казаться много раз одно и то же не может. Но я все же была беспечной и глупой идиоткой.

Впервые холодные пальцы страха впились мне в сердце, когда Амина не ответила на звонки, даже спустя час после того, как должны были закончиться школьные уроки. Я подумала, что она могла потерять сотовый, могла забыть его где-то. Да и часа достаточно, чтобы дойти домой. Позвонила маме, но и она не ответила мне. Странное чувство – еще нет сильного испуга, еще нет дикой паники, но уже что-то дергается в области сердца, что-то ноет там и мешает нормально дышать. И набираю ее снова и снова. Всех по очереди. Никто не отвечает и... и у меня не остается выбора – я звоню отцу.

– Чего тебе?

Злобный голос с раздражением вместо приветствия, но мне все равно, мне уже страшно и плевать, как он мне отвечает.

– Здравствуй папа, мама тебе звонила?

– На фиг я ей нужен, когда она с твоими вы... отпрысками сидит, она мне не звонит.

– Пап... она мне не отвечает.

– И что? Сериалы, может, свои смотрит. Или дочь твою обмывает. Ты ж нашла себе няньку бесплатную.

– Я час звоню. Час, пап.

– Откуда я знаю, чего не отвечает. Возьми и съезди, если так волнуешься. Я со своими костылями часа три ехать буду.

Да, он прав. Надо ехать.

Надо вызывать такси и ехать. Я отпросилась у ректора и сломя голову бросилась домой. Пока ехала в такси, успокаивала себя, что сейчас приеду, а они все дома. Аминка просто телефон забыла, а у мамы стоит на вибрации. Вот и не слышат. Я накричу на них, я устрою им скандал, а потом мы сядем пить чай... Ведь именно так и будет, да?

Я вбежала в подъезд, не чувствуя холода и ветра, лифт ждала невыносимо долго, пока поднималась, казалось сердце отсчитывает целые года, а не секунды, и дышать все больнее от волнения и вот этой поднимающейся волнами паники. Ничего, я сейчас открою дверь, и они все дома. Да, дома. Я просто паникер и параноик. Все с ними хорошо... с моими родными.

Выскочила из лифта, бросилась к двери и с ужасом повернула ручку – не заперта. Душа заледенела, и застыло все внутри, распарывая мне нервы тонким лезвием жуткого предчувствия. И взгляд скользит по ковру, по валяющемуся на нем одеялу Буси, по одному ботинку Амины. Тяжело дыша, не могу закричать и набираю в легкие больше воздуха, чтобы все же надрывно заорать:

– МАМАААААА! – и не услышать в ответ ни звука, уже понимая и осознавая, что их здесь нет. Никого нет. И я понимаю, что их нет не потому, что они куда-то ушли... их нет, потому что их забрали. Потому что вот это черное и холодное витает в воздухе и не дает мне сделать ни одного вдоха.

Я стою в удушающей тишине, в этой опустевшей квартире, где еще звучит эхо их голосов. Пошатываясь иду в одну комнату, затем в другую. На балкон, распахиваю его настежь и не ощущаю, как ветер врывается в помещение, как опрокидывается на пол хрустальная ваза с цветами, которые подарил Рифат, и вода растекается по ковру. Мне не просто жутко, меня парализовало. Оглушило настолько, что кажется, я не в состоянии сделать ни одного вдоха или шага. Сквозь зверский шум в ушах я слышу, как пиликнул мой сотовый. Автоматически беру его дрожащими пальцами, роняю и падаю на колени, как подкошенная, хватая его снова и поднося к глазам, в которых все расплывается.

«Никакой полиции. Иначе они сдохнут. Все трое. Жди. С тобой свяжутся».

Тяжело дыша, киваю смске, сама не понимая, что меня никто не видит. И, словно получив удар в солнечное сплетение, схватила сотовый и набрала Рифата, но его номер оказался

отключен... я так и сидела с сотовым в руках, глядя в пустоту. Час или два. Я даже не знаю сколько. Пока не пришла еще одна смс.

«За тобой приехали. Спускайся. И без глупостей, иначе получишь их по частям».

Встала с пола, не чувствуя ног, в расстегнутой шубе и с остекленевшим взглядом. И меня не отпускает от шока. Я перед глазами мордашку Буси вижу, Амины и мамы. Вот только утром... только утром все хорошо было. Как так? Кто? Зачем?

Спустилась на автомате в лифте, толкнула дверь подъезда и застыла, увидев все тот же джип с тонированными стеклами. Задняя дверь приоткрылась, и я шагнула к машине...

Я сидела в автомобиле и смотрела впереди себя, не понимая, куда меня везут и зачем. Нет, я не кричала, не сопротивлялась и не спрашивала у человека за рулем совершенно ничего. Я боялась что-то испортить и сделать не так. Нельзя поддаваться истерике и панике. Я должна держать себя в руках. Возможно, не все так плохо, и похититель чего-то хочет от меня. Я дам ему это, и он отпустит детей и маму. Надо настраиваться на хорошее. Мысль материальна, так говорила мне Джабира. Если постоянно думать о плохих вещах, они произойдут, пусть не так, как представлялось, но не менее ужасно. Главное, чтобы дети были целы и невредимы. Но от волнения предательски кружилась голова и сильно пересыхало в горле. Мне до безумия хотелось выпить литр воды, а еще лучше что-то очень крепкое, чтобы прояснить мозги. Кому-то нужна я, а не мои дети, иначе меня бы никуда не везли, иначе просто украли бы детей. И если обменять себя на них, возможно, я смогу справиться. Я уже мало чего боюсь в этой жизни. Только не терять... только не хоронить. Я готова на что угодно, кроме этого.

Когда мы приехали, мне даже не закрыли глаза и не проявили никакого насилия. Хотя я и нарисовала себе одну картину ужаснее другой. Меня уже похищали, и я помню, как это было. Но в этот раз все происходило очень странно, и водитель помог мне выйти из машины. Его учтивость и какое-то вкрадчиво осторожное отношение почему-то внушали больше ужаса, чем если бы меня волокли насильно. Он со мной не говорил ни по-русски, ни по-арабски, хотя я прекрасно видела по внешности, что он араб. Мы приехали к гостинице. Одной из самых дорогих и шикарных в нашем городе. Подонок даже не скрывается ни от кого. Он настолько уверен, что я никуда не денусь и не позову на помощь, что делает все нагло у всех на виду. Тяжело дыша и стараясь не пошатываться, я шла следом за ним, не оглядываясь по сторонам и стараясь ни о чем не думать. Только молить Бога, чтобы с моими детьми и мамой все было в порядке.

Водитель постучал в номер и приоткрыл дверь. Я не двинулась следом. Все же муштра от Рамиля и Джабир о том, что можно делать и чего лучше не делать, пока тебе не сказали, имела свое действие даже спустя несколько лет.

– Пусть входит.

Голос доносился приглушенно и очень хрипло, но у меня прошла волна дрожи по спине, перекинулась на затылок и стиснула его холодными клещами неверия. Я вдохнула и не могла выдохнуть, мне казалось, внутри меня что-то начало сильно дрожать и вибрировать. Стало покалывать кончики пальцев. Нет, мне кажется... всего лишь кажется. Я слишком взволнована, я слишком сейчас не в себе. Попыталась вдохнуть и очень медленно выдохнуть. Водитель вышел и кивком головы показал мне на дверь. Чуть придержал, чтобы я вошла, и закрыл следом за мной. Щелкнул замок. Я замерла на самом пороге, глядя на широкую спину и плечи мужчины, стоящего у окна. И мое собственное дыхание вырывалось из моего рта рвано и очень шумно.

Я жадно рассматривала силуэт человека, который, судя по всему, вынудил меня сюда приехать, и что-то в его облике заставляло меня замирать и срываться в пропасть. Я смотрела на массивный затылок с коротко стриженными иссиня-черными волосами, перечеркнутый тонким шрамом. Нет, я не узнавала этот шрам... но я узнавала этот затылок.

Теперь у меня дрожали руки и ноги, а сердце сжималось короткими сильными сдавливаниями так, что я от боли не успевала выдохнуть. Я не верила сама себе... но ведь я бы почувствовала его даже с закрытыми глазами, потому что любимых узнают сердцем. Слабость в коленях не давала мне сделать ни шагу. Мне казалось, я падаю, но тем не менее я стояла, а вот комната кренилась из стороны в сторону, ускользая из-под ног.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.